

На правах рукописи

Шилихина Ксения Михайловна

**ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА ИРОНИИ:
КОГНИТИВНЫЙ, СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Воронеж 2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет».

Научный консультант доктор филологических наук, профессор **Кашкин Вячеслав Борисович**.

Официальные оппоненты:

Кобозева Ирина Михайловна, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, профессор.

Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва), кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, профессор.

Воркачев Сергей Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кубанский государственный технологический университет» (г. Краснодар), кафедра научно-технического перевода, профессор.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет».

Защита состоится «23» октября 2014 года в 13.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет» по адресу: 394006, Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru/disser>.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Реферируемая работа посвящена описанию вербальной иронии как дискурсивной практики – семантически и прагматически сложного режима коммуникации, в котором речевые действия говорящего являются сигналом целого комплекса дополнительных смыслов. В структуре современного дискурса ирония играет важную роль: она создается средствами самых разных знаковых систем. Наряду с вербальной иронией сегодня говорят об иронии в музыке, живописи, фотографии, дизайне. Исследователи также обращают внимание на появление иронии в тех сферах общения, где раньше это было практически невозможно (примером такой сферы можно считать академический дискурс).

Основной целью исследования является описание когнитивных, семантических и прагматических свойств вербальной иронии как дискурсивной практики. Составной частью этого описания является моделирование когнитивных механизмов, которые задействуют носители языка для понимания иронии.

Достижение этой цели требует решения ряда задач; в данной работе решаются следующие из них:

- (i) выделяются критерии, позволяющие дифференцировать различные режимы модусов коммуникации *bona fide* (серьезного) и *non bona fide* (несерьезного);
- (ii) обосновывается методологическая возможность использования корпусных методов для изучения дискурсивного феномена, не имеющего постоянной языковой формы выражения;
- (iii) создан размеченный корпус текстов, на материале которого формулируются основные гипотезы и теоретические положения;
- (iv) в соответствии с разработанной схемой дискурсивной аннотации текстов систематизируются основные стратегии и тактики создания иронии в дискурсе;
- (v) проводится анализ метапрагматической деятельности носителей различных языков (русского, английского, немецкого, польского) для выяснения места иронии в обыденной картине мира;
- (vi) выделяются критерии, позволяющие обосновать статус иронии как дискурсивной практики;
- (vii) на материале корпуса текстов описываются лингвистические сигналы обязательных компонентов иронического дискурса: намеренное нарушение смысловой целостности высказывания, игра / притворство говорящего, а также имплицитное выражение деонтической оценки;
- (viii) предлагается «комбинаторный» подход к моделированию процесса понимания иронии: такой подход позволяет показать, каким образом смысл высказывания «собирается» как динамическая когнитивная структура, важным свойством которой является некогерентность.

Стремление создать модель вербальной иронии, которая могла бы объяснить, почему разнообразные с точки зрения языкового оформления проявления иронии в дискурсе объединяются носителями языка в одну категорию и интерпретируются сходным образом, требует обращения не только к текстовому материалу, но и к металингвистической деятельности носителей языка. Поэтому можно говорить о двояком **ОБЪЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**: с одной стороны, это содержащий иронию *устный, письменный и компьютерно-опосредованный дискурс* в различных сферах коммуникации. С другой стороны, объектом исследования в данной работе является *металингвистическая деятельность* носителей русского, английского, немецкого и польского языков: обращение к корпусам перечисленных языков позволило получить информацию о том, как осуществляется переключение между модусами коммуникации **bona fide** и **non bona fide**, как оценивается ирония и какое место она занимает в повседневной коммуникации.

ПРЕДМЕТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ являются семантические, прагматические и когнитивные характеристики иронии в различных сферах дискурса.

АКТУАЛЬНОСТЬ предлагаемого исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, развитие систем эффективного человеко-машинного взаимодействия требует создания моделей различных режимов коммуникации. Ирония является одним из наиболее сложных для моделирования режимов дискурса, поскольку для ее порождения и понимания необходимо привлечение сложных когнитивных механизмов. Разработка модели, которая могла бы объяснить особенности понимания иронии в дискурсе, представляется необходимым этапом в создании систем взаимодействия человека и компьютера.

Вторая причина обращения к обозначенной теме заключается в том, что несмотря на многовековую историю ее изучения, ирония до сих пор не имеет определения, которое могло бы охватить все случаи ее возникновения в дискурсе. Не существует и общепринятой классификации видов иронии. Такое положение дел можно объяснить господством «инструментального» отношения к иронии как к риторическому тропу. Еще одна причина отсутствия согласия среди исследователей – ориентация на описание различий в языковых способах оформления иронии в дискурсе, а не на поиск единых когнитивных и лингвистических механизмов создания и понимания иронии в дискурсе. Поскольку объяснительная сила существующих подходов оказывается недостаточной, актуальной становится смена способа описания иронии: вместо ориентации на различия необходимо сосредоточиться на поиске общих свойств, которые позволяют носителям языка объединять различные проявления иронии в единую категорию.

В-третьих, значительная часть исследований иронии по традиции проводится на материале художественных текстов, в которых ирония рассматривается в ряду других литературных приемов. Ирония в нехудожественных текстах, повседневной устной и компьютерно-опосредованной коммуникации практически не становилась объектом исследования. Поэтому в современной лингвистике

существует потребность в создании такой модели вербальной иронии, которая могла бы объяснять следующее:

а) какие прагматические условия необходимы для возникновения иронии в дискурсе;

б) какие свойства семантической структуры высказывания делают возможной его ироническую интерпретацию;

в) какие когнитивные механизмы задействованы в создании и понимании иронии.

ТЕОРЕТИЧЕСКУЮ ОСНОВУ диссертации составили несколько групп научных публикаций. Описание двух модусов коммуникации (серьезного, далее – *bona fide**, и несерьезного, далее – *non bona fide*) и разработка полипараметрической модели режимов модусов *bona fide* и *non bona fide* осуществлялись с опорой на отечественные и зарубежные работы по анализу дискурса (О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, В.И. Подлеская, А.П. Чудинов, К. Ajmer, В. Fraser, К. Fischer, V. Raskin и др.), а также на исследования вербального юмора и иронии (О.П. Ермакова, А.Г. Козинцев, Р. Мартин, В.З. Санников, Г.Г. Слышкин, S. Attardo, K. Barbe, C. Brooks, C. Colebrook, R. Giora, C. Hempelmann, L. Hutcheon, H. Kotthoff, D.C. Muecke, A. Partington, V. Raskin, D. Sperber, D. Wilson и др.). В диссертации также используются современные работы по лингвистической семантике (Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачев, Т.А. Гридина, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, М. Ноеу, М. Stubbs и др.), прагматике (В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Р. Grice, J. Verschueren и др.), а также когнитивно-ориентированные исследования, посвященные проблеме смысловой целостности текста (W. Bublitz, S. Coulson, G. Fauconnier, T. Givón, M.A.K. Halliday, K. Hyland и др.). Кроме того, обращение к работам по корпусной лингвистике (В.А. Плунон, D. Biber, T. McEnergy, J. Sinclair, E. Semino, G. Leech) было продиктовано необходимостью создания собственного корпуса текстов различных жанров.

Данное исследование базируется на гипотезе о том, что в основе процессов понимания иронии в дискурсе лежат общие когнитивные механизмы. Эти механизмы позволяют носителям языка распознавать намеренные нарушения смысловой целостности (некогерентность) на различных уровнях дискурса. Потребность в рациональной интерпретации различных видов некогерентности побуждает к поиску дополнительных смыслов; при наличии имплицитно выраженной негативной деонтической оценки (т.е. оценки по шкале «данное – должное») и сигналов игрового поведения / притворства говорящего ирония становится одним из высоковероятных вариантов интерпретации сказанного.

Предпринимаемая попытка моделирования иронии как распространенного режима коммуникации определила выбор материала для диссертационного исследования. В работе используется три типа источников данных о функционировании иронии в дискурсе. Для проведения основного исследования был создан корпус

---

* *Bona fide* (лат.) – заслуживающий доверия.

нехудожественных текстов различных жанров общим объемом около 2,5 млн. словоупотреблений. Все тексты были снабжены дискурсивной аннотацией, которая проводилась вручную по специально разработанной схеме. Подробное обсуждение структуры и состава корпуса, а также проблем, связанных с разработкой схемы разметки, представлено в третьей главе диссертации.

Вторым источником стал корпус нарративных текстов, размеченных с точки зрения структуры пассажей. Такая разметка позволила сделать вывод о способах нарушения смысловой целостности на уровне текста. Объем этого корпуса – 87 тыс. словоупотреблений.

Помимо названных корпусов, для изучения метапрагматической рефлексии носителей русского, английского, немецкого и польского языков привлекались данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru, далее – НКРЯ), The British National Corpus (<http://corpus.byu.edu/bnc/>, далее – BNC), The Corpus of Contemporary American English (<http://corpus.byu.edu/coca/>, далее – COCA), The Corpus of Historical American English (<http://corpus.byu.edu/coha/>, далее – COHA), The Corpus of Global Web-based English (<http://corpus2.byu.edu/glowbe/>, далее – GloWbE), Narodowy Korpus Języka Polskiego (<http://www.nkjp.pl>, далее – NKJP), а также Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (<http://www.dwds.de>, далее – DWDS).

Основными методами получения данных для диссертационного исследования послужили методы корпусной лингвистики. В качестве методов анализа использовались метод семантического анализа, контекстологический метод. При разработке схемы полипараметрического описания режимов коммуникации и описании алгоритма распознавания модуса коммуникации использовался метод моделирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Адекватное описание структуры дискурса невозможно без учета существования двух модусов коммуникации: серьезного (*bona fide*) и несерьезного (*non bona fide*). Понимание высказываний в модусах *bona fide* и *non bona fide* требует различных наборов правил интерпретации. Основное отличие заключается в способе соотнесения высказывания с действительностью: в то время как модус *bona fide* предполагает соответствие высказывания некоторой ситуации в реальном мире, дискурс в модусе *non bona fide* такого соответствия не имеет. Кроме того, два модуса различаются степенью кооперативности говорящего, наличием элемента игры / притворства в речевых действиях участников дискурса, а также возможностью металингвистического комментирования говорящими собственных речевых действий.

2. Применение методов корпусной лингвистики является продуктивным для изучения иронии несмотря на то, что ирония не «привязана» к определенному языковому уровню и не имеет постоянной языковой формы выражения. Разработанная в ходе исследования схема дискурсивной аннотации текстов

позволяет систематизировать стратегии и тактики создания иронии и выделить общие когнитивные, семантические и прагматические свойства иронических высказываний.

3. Описание различных режимов модуса *non bona fide* – юмора, иронии, сарказма, лжи и абсурдного дискурса – нельзя провести по единому основанию. Более сложные с точки зрения семантики и прагматики режимы дискурса в модусе *non bona fide* (**ирония, юмор, сарказм**) требуют учета большего количества параметров. В частности, для описания иронии необходимо семь параметров: отсутствие корреляции между высказыванием и ситуацией, необходимость привлечения формально-логической либо вероятностной инференции, игра / притворство говорящего, рациональность действий говорящего, наличие имплицитной деонтической оценки, одновременная апелляция говорящего к эмоциям и разуму адресата, возможность металингвистического комментирования говорящим собственных речевых действий в момент речи.

4. Возможность использования иронии в различных сферах устной и письменной коммуникации, ее распространенность, а также универсальность когнитивных механизмов, используемых для создания и интерпретации иронии в дискурсе, позволяют говорить о том, что ирония является *дискурсивной практикой* – принятым в определенном языковом сообществе регулярным способом говорить о чем-либо. Семантической основой иронии является намеренно создаваемое говорящим несоответствие между отдельными элементами высказывания либо между высказыванием и реальной ситуацией. Другим важным свойством иронии как дискурсивной практики является ее независимость от сферы коммуникации.

5. Важным источником информации о статусе иронии в структуре дискурса являются метапрагматические комментарии, с помощью которых эксплицируется ироническая интенция. Основной функцией метапрагматических маркеров иронии является функция структурирования дискурса. Остальные функции зависят от той роли, которую играет в дискурсе говорящий. В речи инициатора смены модуса коммуникации метапрагматические маркеры информируют адресата о смене способа понимания высказывания либо корректируют неправильное понимание сказанного. В речи собеседника маркеры выполняют функцию уточнения (обсуждения) модуса либо служат сигналом отказа от переключения в модус коммуникации *non bona fide*. **В речи повествователя, наблюдающего за чужой речью**, метапрагматические комментарии комментируют чужие речевые действия и задают способ восприятия нарративного текста читателями.

6. Сочетаемость русской лексемы *ирония* и английской лексемы *irony* с прилагательными является источником информации о том, как носители русского и английского языков воспринимают иронию в повседневной коммуникации. Семантический анализ наиболее частотных прилагательных-коллокатов позволяет говорить о том, что для носителей языка принципиально важными оказываются

степень легкости / трудности понимания иронии, а также эмоции, которые вызывает ирония у участников коммуникации. Тенденция сочетаться с прилагательными, в семантике которых присутствует негативный коннотативный компонент, позволяет говорить об отрицательной семантической (дискурсивной) просодии лексемы *ирония / irony*. Это говорит о том, что в дискурсе ирония чаще воспринимается как режим коммуникации, вызывающий негативную эмоциональную реакцию.

7. Прагматический потенциал иронии может быть сведен к двум основным функциям: установлению асимметричных отношений авторитетности между инициатором иронии, объектом иронии и адресатом высказывания и развлечению адресата / аудитории, при этом первая функция является обязательной, а вторая – факультативной.

8. Основными компонентами когнитивной модели иронического дискурса являются намеренное нарушение смысловой целостности (некогерентность) высказывания или текста, игровое поведение и / или притворство говорящего, а также имплицитно выраженная деонтическая оценка объекта иронии.

9. Понимание иронии – это процесс создания динамической смысловой структуры, который может быть представлен как «сборка», в которой одинаково важными оказываются не только лингвистическое содержание высказывания, но и контекст коммуникации и имеющиеся у участников дискурса знания об окружающем мире. В процессе «сборки» различные смысловые компоненты «приспосабливаются» друг к другу таким образом, чтобы в результате получилась семантически и прагматически целостная когнитивная структура. Нарушения смысловой целостности внутри высказывания или несоответствие высказывания описываемой ситуации служат сигналом наличия скрытого смысла.

Научная новизна исследования заключается в том, что

– в диссертации впервые обоснована необходимость учета модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* в теоретических и прикладных моделях структуры дискурса и предложены параметры для разграничения различных режимов, выделяемых внутри двух модусов коммуникации;

– впервые для изучения вербальной иронии предложена схема дискурсивной разметки текстов, содержащих иронию, и создан корпус текстов, позволяющий анализировать вербальные, риторические и когнитивные стратегии и тактики создания иронии в дискурсе;

– впервые в отечественной лингвистике предпринимается попытка комплексного описания лингвистических сигналов иронии на вербальном, риторическом и когнитивном уровнях;

– впервые источником информации о функционировании иронии в различных сферах коммуникации становится металингвистическая рефлексия носителей различных языков (русского, английского, немецкого, польского);

– в исследовании предлагается динамическая «комбинаторная» модель понимания иронии, в соответствии с которой процесс понимания иронического

высказывания представляет собой не декомпозицию, а «сборку» смысловых компонентов на основе коммуникативной ситуации и имеющихся у адресата фоновых знаний.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в том, что в нем предложен ряд решений, применимых не только к анализу иронии, но и к другим режимам коммуникации модуса **non bona fide**, а именно:

- в работе обоснована возможность использования методов корпусной лингвистики для исследования дискурсивного явления, не имеющего постоянного языкового способа выражения;
- предложена модель дискурса, учитывающая существование двух модусов коммуникации (**bona fide** и **non bona fide**), а также их различных режимов;
- эксплицированы параметры описания этих режимов и выявлены отличия иронии от юмора, сарказма, лжи и абсурдного дискурса;
- создана схема дискурсивной разметки текстов, которая позволяет осуществлять аннотацию текстов в специализированном корпусе;
- в работе обосновывается возможность классификации иронии как дискурсивной практики и предложена модель когнитивных механизмов, необходимых для порождения и понимания иронии в дискурсе.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ результатов исследования определяется возможностью использования материалов исследования в практике вузовского преподавания в рамках курсов по лингвистической семантике, стилистике, когнитивной лингвистике, теории дискурса и текста, корпусной лингвистике. Предложенные в работе способы дискурсивной разметки могут быть также использованы для оптимизации работы с текстами различных жанров в корпусных исследованиях, для изучения структуры нарратива.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Результаты работы были представлены на следующих международных конференциях: «Современная политическая коммуникация» (Екатеринбург, октябрь 2009 г.), «Информатика: проблемы, методология, технологии: X Международная научно-методическая конференция» (Воронеж, февраль 2010 г.), «Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения» (Воронеж, февраль 2010 г.), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, март 2010 г.), V Международная конференция Российской Коммуникативной Ассоциации «Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности» (Тверь, сентябрь 2010 г.), «Проблемы лексико-семантической типологии» (Воронеж, октябрь, 2010 г.), «Теоретическая и прикладная лингвистика: пути развития: К 100-летию со дня рождения В.А. Звегинцева» (Москва, МГУ, октябрь 2010 г.), “Meaning, Context, Cognition – 2011. International Conference” (Łódź, Польша, март 2011 г.), «Проблемы компьютерной лингвистики» (Воронеж, ВГУ, апрель 2011 г.), «Современная политическая лингвистика» (Екатеринбург, сентябрь 2011 г.), XII Виноградов-

ские чтения (Москва, МГПУ, ноябрь 2011 г.), X международная конференция «Перевод: язык и культура» (Воронеж, ВГУ, ноябрь 2011 г.), «Информатика: проблемы, методология, технологии: XII Международная научно-методическая конференция» (Воронеж, ВГУ, февраль 2012 г.), XL Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, СПбГУ, март 2012 г.), The 14th Conference of the International Association for Dialogue Analysis (Åbo Akademi University, Turku, Finland, апрель 2012 г.), «Жизнь языка в культуре и социуме – 3», (Москва, Институт языкознания РАН, РУДН, апрель 2012 г.), 6th Łódź Symposium “New Developments in Linguistic Pragmatics” (Łódź University, Poland, май 2012 г.), 5-я Международная конференция по когнитивной науке (Балтийский федеральный университет им. Канта, Калининград, июнь 2012 г.), 24th Conference of the International Society for Humor Studies, (пленарный доклад, Krakow, Poland, июнь 2012 г.), VI Международная конференция Российской коммуникативной ассоциации «Коммуникация в изменяющемся мире», (Красноярск, Сибирский федеральный университет, сентябрь 2012 г.), «Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве – 2012» (Ярославль, ЯрГПУ-МГПУ, ноябрь 2012 г.), Linguistic Approaches to Funniness, Amusement and Laughter. 3rd International Symposium: Entertainment Discourse beyond Humour Studies (Łódź, март 2013 г.), «Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы» (Тамбов, апрель 2013 г.), «Информационная структура текстов разных жанров и эпох (Проблемная группа «Логический анализ языка», рук. член-корр. РАН Н.Д. Арутюнова) (Москва, Институт языкознания РАН, май 2013 г.), Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог 2013» (Бекасово, май-июнь 2013 г.), «Проблемы лексико-семантической типологии – 2» (Воронеж, ВГУ, сентябрь 2013 г.), International Conference on Communication Styles (Krosno, Польша, октябрь 2013 г.), V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, март 2014 г.), III Международная конференция «Стилистика сегодня и завтра» (Москва, МГУ, апрель 2014 г.).

Помимо этого, промежуточные результаты исследования докладывались на ежегодных научных сессиях факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВПО «ВГУ» (2009–2014 гг.), а также на заседаниях научного семинара кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации.

Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения и списка литературы. Список литературы включает 442 источника на русском и иностранных языках, а также список словарей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются цели и задачи работы, обосновываются актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, дается краткая характеристика методов сбора и анализа материала, выдвигается основная гипотеза и формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «История изучения иронии: от античности до современности»

представляет собой хронологический обзор основных теорий иронии. Целью обзорного анализа является, с одной стороны, выявление идей, лежащих в основе современных когнитивных, философских, литературоведческих, семиотических и лингвистических теорий иронии. С другой стороны, исторический экскурс необходим, чтобы понять, почему, несмотря на многовековую историю изучения иронии, существующие дефиниции не охватывают всего многообразия проявления иронии в дискурсе и не помогают понять, как именно создается ирония в дискурсе и что позволяет носителям языка обнаруживать иронию в словах собеседника.

Термин *ирония* относится к «зонтиковым» терминам – по сложившейся за несколько веков традиции им обозначают различные по своей природе явления: и языковой троп, и особый тип ситуаций (то, что во многих культурах принято называть *иронией судьбы*, *иронией истории* или *ситуативной иронией*), и философский способ отношения к миру (здесь традиционно упоминают иронию Сократа, романтическую иронию, а также постмодернистскую иронию).

Очевидная трудность определения иронии связана с формальным и семантическим многообразием проявлений иронии в дискурсе. Прототипическая ирония традиционно сводится к антифразису – способу сказать одно, имея в виду нечто противоположное, с целью выражения критической оценки некоторого явления, ситуации или объекта. Такая трактовка охватывает далеко не все проявления иронии в дискурсе: например, не происходит «замены знака» в абсурдной и правдоподобной иронии, а также в тех случаях, когда ирония создается с помощью риторических вопросов, комментариев или интертекстуальных отсылок.

В истории европейской цивилизации можно выделить три эпохи, которые характеризуются повышенным вниманием к иронической коммуникации, – это античность, эпоха романтизма и XX век. **Сократ – персонаж диалогов Платона** – обычно упоминается первым в ряду античных мастеров иронии. Его манера ведения диалога тесно связана с понятием *притворства*: сократова ирония проявляется через нарочитую неосведомленность. Цель такого поведения – заманить собеседника в логическую «ловушку», подвергнуть сомнению истинность общеизвестных понятий, утверждений и догм.

Определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное, традиционно приписывают древнеримскому оратору Марку Фабию Квинтилиану. Квинтилиан различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи, целого текста либо отдельной личности. В таком противопоставлении уже заложены основные подходы к иронии: риторический и мировоззренческий.

Эпоха романтизма – время, когда после нескольких столетий существования в статусе риторического «инструмента» ирония обретает новый категориальный статус. Романтическая ирония – это уже не просто риторический троп

или стилистический приём, но способ философского отношения к миру и проявления творческой субъективности художника.

XX век стал временем формирования сразу нескольких целостных концепций иронии в литературоведении, семиотике, этике, лингвистике. Новый всплеск интереса к иронии в языкознании связан, с одной стороны, с развитием лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики, а с другой стороны, – с появлением компьютерной лингвистики. Стала очевидной ограниченность объяснительной силы классической риторической трактовки иронии как антифразиса. Кроме того, попытки формализации диалога на естественном языке показали, какую важную роль в общении играют различные режимы непрямого коммуникации, в том числе ирония.

Современные лингвистические теории вербальной иронии стремятся ответить на несколько вопросов:

- как соотносятся прямое и переносное значения иронического высказывания;
- какие компоненты текста и ситуации общения помогают адресату обнаруживать и интерпретировать ироническую интенцию говорящего;
- каковы когнитивные механизмы обнаружения и понимания иронии: осуществляется ли обработка прямого и переносного смысла высказывания последовательно или параллельно.

Одним из первых шагов к переосмыслению статуса вербальной иронии стала концепция П. Грайса. В Стандартной прагматической модели несоответствия между значением высказывания и значением говорящего являются следствием нарушения (*flouting*) одной или нескольких Максим. В частности, по Грайсу, ирония является случаем намеренного нарушения Максимы Качества.

Важным отличием концепции П. Грайса от классической трактовки иронии является ее новый прагматический статус: ирония – это разновидность конверсационной имплицатуры, когда не само высказывание означает нечто противоположное, а говорящий намеренно имплицитует, т.е. имеет в виду нечто противоположное сказанному.

Хотя понятие имплицатуры и смещает акцент с текста на говорящего, теорию П. Грайса все же нельзя считать радикальным отказом от традиционного понимания иронии как риторического тропа: ирония по-прежнему стоит в одном ряду с метафорой, метонимией и гиперболой. Еще один недостаток теории П. Грайса – ее упор исключительно на рациональность действий говорящего. Без внимания остается эмоциональная составляющая вербальной иронии, хотя именно эмоции являются стимулом к иронической интерпретации высказывания.

Теория иронии-как-эха (*The Echoic Theory of Irony*), предложенная Д. Спербером и Д. Уилсоном в качестве альтернативы точке зрения П. Грайса, является одной из наиболее популярных и широко цитируемых концепций в западной лингвистике. Отмечая слабые стороны прагматической концепции Грайса, авторы выстраивают свою теорию на основе более общей Теории релевантности, которая

предлагает ответ на вопрос, почему в определенных ситуациях говорящий может предпочитать не прямые способы коммуникации, в том числе иронию, прямым.

Теория Д. Спербера и Д. Уилсон получила название «иронии-как-эха», поскольку в ее основе лежит идея о том, что любое ироническое высказывание является отголоском, эхо-упоминанием того, что было сказано ранее. Д. Уилсон и Д. Спербер определяют иронию как способ метакоммуникации: она возникает в результате вторичного (т.е., по сути, металингвистического) упоминания того, что уже было сказано ранее. При этом говорящий дистанцируется от упоминаемого высказывания, подчеркивает свое негативное отношение к нему.

В теории иронии-как-эха не делается принципиального различия между прямым и переносным значением иронического высказывания: любое высказывание может быть понято либо в своем буквальном значении, либо как метаязыковое эхо-упоминание того, что было сказано ранее. Следовательно, по мнению Д. Уилсон и Д. Спербера, понимание иронии не должно принципиально отличаться от понимания высказывания, иронию не содержащего.

Несмотря на популярность, теория Д. Уилсон и Д. Спербера не может объяснить все многообразие проявлений иронии в дискурсе. Понятие метаупоминания оказывается неприменимым к случаям, когда ирония создается лексическими средствами (через метафорическую номинацию или в случае нарушения ожидаемой лексической сочетаемости). Еще одно слабое место теории иронии-как-эха заключается в том, что далеко не всегда адресат может легко определить, какое высказывание, мнение или идея стали источником иронии. Следовательно, под вопросом оказывается исходное положение концепции Д. Спербера и Д. Уилсон о том, что обязательным условием для возникновения иронии является металингвистическое использование языка.

Наконец, теорию иронии-как-эха можно упрекнуть за анализ единичных высказываний, сконструированных самими исследователями: в результате она не объясняет тех случаев, когда ирония является свойством целого текста.

К группе наиболее заметных альтернатив теории иронии-как-эха можно отнести теорию иронии как значимой (релевантной) неуместности, развиваемую в работах С. Аттардо. Центральными понятиями его теории являются понятия *уместности* и *релевантности*: высказывание считается уместным, если все его пресуппозиции совместимы с пресуппозициями того контекста, в котором оно употребляется. Основное отличие уместности от релевантности заключается в том, что критерием уместности является истинность высказывания, в то время как релевантность высказывания не определяется его истинностью. Ирония возникает, если высказывание или его элемент контекстуально неуместны, но при этом релевантны для участников коммуникации. Согласно теории иронии как значимой неуместности, ироническое высказывание семантически двупланово: оно одновременно несет в себе и буквальное значение, и значение косвенное. Соотношение этих двух планов значения (а именно – их взаимная неуместность) порождает скрытое отрицание.

Помимо теоретического моделирования в XX веке получили развитие экспериментальные подходы к изучению иронии. Цель проводимых экспериментов – ответить на вопрос, каким образом адресат «обрабатывает» ироническое высказывание и какую роль в понимании иронии играет прямое (буквальное) значение.

Еще одно новое направление в исследованиях иронии связано с практической потребностью развития систем автоматической обработки естественного языка. Моделирование юмора и иронии в человеко-машинном диалоге можно считать своеобразным тестом на понимание сути этих явлений. Трудности, с которыми исследователи сталкиваются в процессе моделирования юмора и иронии, с одной стороны, показывают необходимость дальнейшего изучения сложной когнитивной природы этих явлений. С другой стороны, компьютерные модели дают исследователям возможность выдвигать гипотезы о когнитивных механизмах, позволяющих порождать и понимать юмор и иронию в дискурсе.

Разнообразие подходов к изучению иронии и противоречивость взглядов, характерные для 2-ой половины XX века, можно объяснить по меньшей мере двумя причинами. Первую причину можно условно назвать «идеологической»: по традиции ирония представляется как готовый риторический инструмент. Такой подход заставляет исследователей считать иронию частью языковой системы, в то время как на самом деле ирония – явление дискурсивное, она возникает в процессе коммуникации как результат совместных действий говорящего и адресата.

Вторая причина расплывчатости границ интересующего нас понятия заключается в том, что иронию пытаются определить, исходя из критериев, которыми определяется серьезное, «добросовестное» общение, направленное на обмен информацией. Однако эти критерии могут быть применены к описанию иронии лишь частично, поскольку ирония является одним из режимов несерьезного (*non bona fide*) модуса дискурса. В существующих моделях коммуникации различия между двумя модусами – серьезным (*bona fide*) и несерьезным (*non bona fide*) практически не принимаются во внимание. На наш взгляд, учет этих различий представляется необходимым, поскольку модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide* требуют различных правил интерпретации написанного / сказанного.

Вторая глава диссертации «Ирония в научной картине мира. Виды и функции иронии» затрагивает два дискуссионных вопроса: классификацию и функции иронии в дискурсе.

Анализ существующих таксономий позволяет выделить основные классификационные проблемы: трудности, с которыми сталкиваются исследователи, вызваны в первую очередь тем, что в основу классификаций кладутся разнородные признаки: *драматическая ирония* выделяется на основе критерия «наличие наблюдателя», *сократова ирония* – по признаку «дидактическая направленность». Термином *ситуативная ирония* обозначают стечение обстоятельств, в котором говорящий усматривает несоответствие ожидаемого и реального положения дел. Наконец, *вербальная ирония* выделяется на основании той знаковой системы, ко-

торая используется для создания иронии. Такое многообразие классификационных критериев приводит к тому, что некоторые случаи иронии не поддаются однозначной и непротиворечивой классификации. Например, ироничные замечания могут быть классифицированы и как сократова ирония, поскольку имеют очевидную дидактическую направленность, и как пример драматической иронии, поскольку адресованы не только конкретному лицу, но и более широкой аудитории. Наконец, по той знаковой системе, которая используется инициатором иронии, высказывания могут быть классифицированы как ирония вербальная:

[1] *Наверное, вам было бы удобнее достать шпаргалку, чем каждый раз туда залезать* [преподаватель – студенту во время экзамена, устная речь].

Не менее проблемными представляются и классификации разновидностей собственно вербальной иронии. Так, С.И. Походня рассматривает иронию в связи с грамматическими особенностями высказываний [Походня 1989]. Возникает вопрос, являются ли синтаксические характеристики высказывания релевантными для создания иронии и можно ли говорить о «грамматикализации» иронии? На наш взгляд, ирония не является системно-языковым свойством тех или иных грамматических конструкций, поэтому «привязку» иронии к синтаксическому уровню языковой системы вряд ли можно считать оправданной.

Еще одной попыткой классификации способов создания вербальной иронии являются работы О.П. Ермаковой [Ермакова 1999, Ермакова 2005]. В основе предлагаемой классификации лежит формальный признак, а именно – количество слов, создающих иронический эффект в высказывании или тексте: в результате выделяется ирония вербализованная (локализованная в одном слове) и ирония текстовая, т.е. такая, которая выходит за рамки слова или словосочетания. С нашей точки зрения, это не очень удачное основание для классификации, поскольку ирония по своей природе – явление комбинаторное, возникающее как эффект нетривиальной комбинации языковых единиц в высказывании. Не всегда можно точно определить границы иронического использования языка. При таком подходе также трудно решить, является ли ирония вербализованной или текстовой, если она возникает на уровне словосочетания, как, например, в следующем контексте:

[2] *Прежние репетиторство и взяточничество, с которыми реформаторы так страстно боролись и которые якобы навеки убил светозарный ЕГЭ, скоро вспомнятся мильми шалостями.* [<http://www.kommersant.ru/doc-rss/2091801>]

Функциональный потенциал иронии является давним предметом дискуссий. В выделении функций иронии можно проследить две тенденции: либо иронии приписывается одна основная функция, либо исследователи предлагают детальную классификацию функций. По нашему мнению, основной функцией иронии в дискурсе является функция создания отношений авторитетности через установление асимметричных отношений доминирования-подчинения между участниками коммуникации (говорящим, адресатом и объектом иронии). С помощью имплицитной критики говорящий повышает собственный авторитет,

тем самым увеличивая свой «символический капитал» [Bourdieu 1991]. Вторая функция иронии – людическая, связанная с развлечением адресата / аудитории. Если первая функция является обязательной, то вторую можно считать факультативной, поскольку далеко не всякое ироническое высказывание вызывает смех. Выделяемые исследователями другие функции иронии (функции усложнения коммуникации, атакующую, дистанцирующую и др.) можно считать конкретными проявлениями функции авторитетности, поскольку эффект усложнения или дистанцирования – это различные проявления асимметричных отношений авторитетности между участниками дискурса.

Третья глава диссертации «Корпус текстов как материал для исследования вербальной иронии» представляет корпус нехудожественных текстов на русском и английском языках общим объемом около 2,5 млн. словоупотреблений. В этой главе обсуждаются критерии отбора текстов, а также проблема создания схемы дискурсивной аннотации ее применения к текстам, включенным в корпус.

Проблема выбора материала обусловлена тем, что на протяжении нескольких столетий в качестве источников данных использовались (и продолжают использоваться) художественные тексты либо высказывания, сконструированные исследователями на основе их собственного языкового опыта. Такой выбор объясняется высоким статусом художественной речи и существующей в лингвистике длительной традицией опоры на исследовательскую интуицию. Еще одним объяснением можно считать традицию описания языка «сверху вниз», т.е. от теории к ее подтверждению эмпирическим материалом. При таком подходе текст оказывается не столько предметом анализа, сколько вспомогательным источником примеров, которые необходимы исследователю для подтверждения теории. Проблема, однако, заключается в том, что ни литературные произведения, ни высказывания-конструкты нельзя признать достаточными источниками информации о том, как создается ирония в дискурсе. Ясно, что сложность языка художественного произведения позволяет передавать комплексы смыслов в «концентрированном» виде, и это повышает шансы исследователя на обнаружение иронии. Но, анализируя иронию в литературном тексте, исследователь теряет право распространять полученные выводы на повседневную коммуникацию, поскольку естественный язык неизбежно отличается от языка художественного текста по многим свойствам, в том числе и по степени сложности.

Опора на интуицию в исследованиях иронии неудовлетворительна по меньшей мере по трем причинам: во-первых, использование высказываний-конструктов приводит к тому, что из поля зрения выпадает вариативность, присущая речевой деятельности и отдельным носителям языка, и всего языкового сообщества. Во-вторых, конструирование примеров позволяет подбирать такие контексты, которые наилучшим образом иллюстрируют положения выдвигаемой теории; при этом контексты, которые в каком-либо отношении противоречат идеям исследователя, просто игнорируются. Наконец, в-третьих, это приводит к повторяемости примеров в работах лингвистов.

С учетом обозначенных выше проблем в реферируемой работе была избрана исследовательская *стратегия абдукции*, т.е. изучения совокупности фактов и выдвижения гипотез об их общих свойствах с дальнейшей проверкой и уточнением этих гипотез на более широком фактическом материале. Специализированный корпус текстов послужил источником информации о различных способах создания иронии. Необходимость их систематизации потребовала выдвижения гипотезы о том, какие свойства объединяют всё многообразие проявлений иронии в дискурсе. Выявление этих свойств, в свою очередь, позволило выделить стратегии и тактики создания иронии в дискурсе. Необходимо отметить, что привлечение корпусных данных не означает полного отказа от опоры на исследовательскую интуицию. Напротив, представляется, что сочетание корпусного и интроспективного подходов позволяет получить наилучшие результаты в описании функционального потенциала вербальной иронии.

Состав и структура корпуса. В корпус вошли письменные нехудожественные тексты различных жанров, записи устной монологической и диалогической речи, а также фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Источниками текстов стали печатные и онлайн-версии газет и журналов, тексты научных статей и монографий, научно-популярные работы, публикации электронных новостных изданий, блоги и форумы, социальные сети, транскрипты монологических выступлений и диалогов участников радио- и телепередач, записи устной разговорной речи на русском и английском языках.

Общее количество текстов, вошедших в корпус – 1500, из них 500 – письменные нехудожественные тексты, 500 – записи устной речи и 500 – фрагменты компьютерно-опосредованной коммуникации. Такое распределение текстов объясняется требованием сбалансированности: поскольку задачей данного исследования является изучение функционирования иронии в различных сферах коммуникации, необходимо, чтобы эти сферы были представлены равномерно. Распределение текстов по каналам коммуникации и количеству словоформ представлено в таблице 1.

Таблица 1. Состав корпуса

	Письменные тексты	Устные тексты	Компьютерно-опосредованная коммуникация
Кол-во текстов	500	500	500
Кол-во словоформ	774000	882000	879000

В соответствии с целями и задачами исследования каждый текст, включенный в основной корпус исследования, получал метаописание с точки зрения канала коммуникации (устный / письменный / компьютерно-опосредованный дискурс) и жанровой принадлежности текста. Схема метаразметки текстов по этим параметрам представлена на рис. 1.

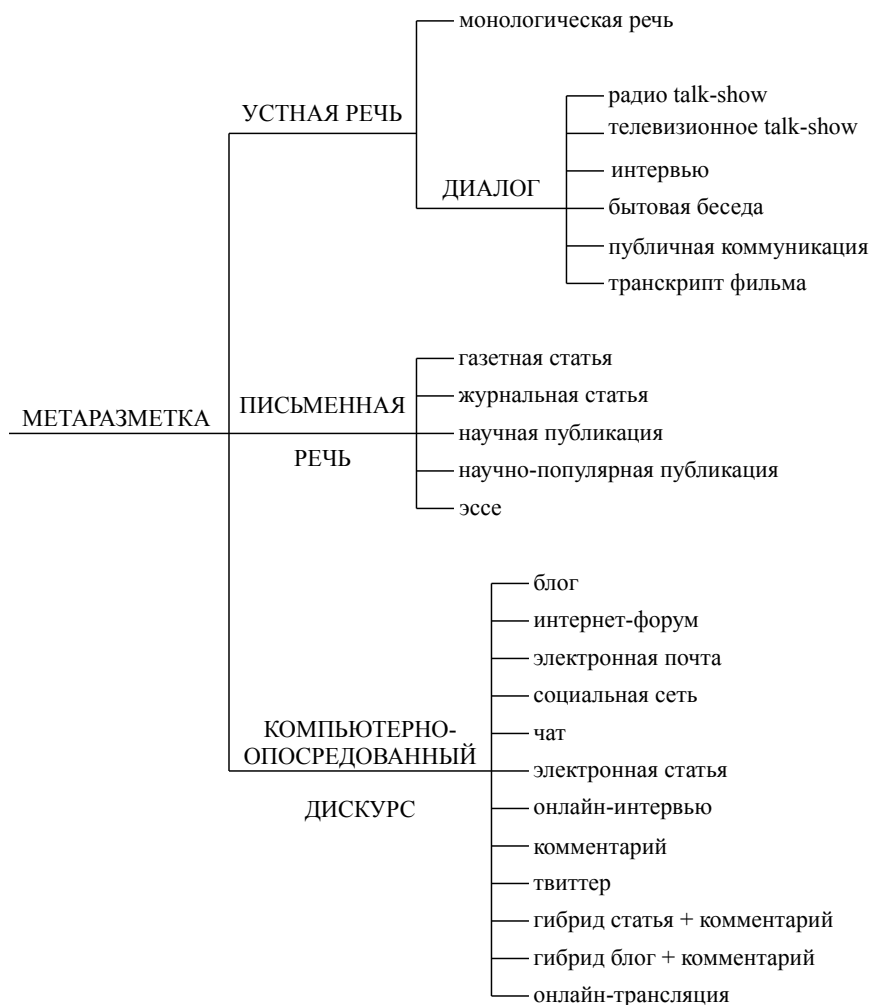

Рис. 1. Схема метаразметки текстов

В зависимости от количества участников коммуникации, записи устной речи классифицировались как монологи или диалоги. Для диалогов также было введено дальнейшее распределение по следующим источникам: речь кино, транскрипт радиопередачи, транскрипт телепередачи, интервью, непубличная коммуникация, публичная коммуникация. К диалогам в сфере публичной коммуникации отнесены фрагменты диалогического общения во время конференций,

в сфере профессиональной коммуникации. К непубличной диалогической коммуникации отнесены записи диалогов в неофициальной обстановке (например, внутрисемейное или дружеское общение).

Письменные тексты классифицировались в соответствии с источником: в корпус включены газетные, а также журнальные статьи, тексты научных и научно-популярных публикаций, эссе.

Наибольшее жанровое разнообразие наблюдается среди фрагментов компьютерно-опосредованной коммуникации: здесь выделяются записи в блогах, общениях форумах, чатах и социальных сетях, статьи, опубликованные на новостных сайтах, электронная переписка и записи в твиттере. Отдельные группы составляют читательские комментарии к различным интернет-публикациям, а также две разновидности «гибридных текстов»: это статьи с читательскими комментариями и записи блогов, также сопровождаемые комментариями читателей.

Помимо канала коммуникации и жанровой принадлежности все тексты также были размечены в соответствии с обсуждаемой в них тематикой. Как и в случае с жанровыми характеристиками, список тем является открытым, однако можно говорить о том, что обсуждение отдельных тем чаще вызывает ироническую реакцию, чем обсуждение других. В первую очередь это вопросы политики, социально-экономические проблемы, общественно-значимые события, взаимоотношения государства и церкви, проблемы среднего и высшего образования, а также сфера развлечений и массовой культуры.

Отдельной проблемой корпусного исследования иронии является создание схемы аннотации для изучения дискурсивного явления, не имеющего постоянной языковой формы выражения. С целью систематизации способов создания иронии и выяснения частотности их использования фрагменты текстов, содержащие сигналы иронии, были снабжены дискурсивной аннотацией. В ходе исследования была разработана схема аннотации, в которой стратегии и тактики создания иронии классифицировались с точки зрения способа намеренного нарушения смысловой целостности дискурса.

На начальном этапе создания корпуса в схему разметки были включены те способы создания иронии, которые уже были описаны в лингвистической литературе (например, антифразис или интертекстуальные отсылки). Дискурсивное аннотирование текстов осуществлялось вручную; по мере накопления материала выделялись новые способы создания иронии, поэтому схема дискурсивной аннотации многократно уточнялась.

Опыт дискурсивного аннотирования текстов показал, что ирония может возникать под влиянием трех групп факторов:

- *собственно языковых*, которые проявляются в знании языковой нормы и конвенций узуса, в умении отличать нормативное и приемлемое, ожидаемое использование языковых средств от ненормативного, необычного, неожиданного;
- *когнитивных*, которые связаны с имеющимися у коммуникантов знаниями о мире и представлениями о нормальном ходе событий;

– *дискурсивных*, к которым относится умение устанавливать связи между отдельными отрезками дискурса, в том числе и в тех случаях, когда эти отрезки не являются составными компонентами единой коммуникативной ситуации, а разделены во времени и пространстве. К этой же группе относятся и знания носителей языка о том, как должен быть организована коммуникация, какими риторическими свойствами должен обладать связный текст (например, нарратив или диалог).

Выделенные группы факторов обеспечивают одно из важнейших свойств дискурса – когерентность. Поскольку в основе иронии лежат намеренные нарушения смысловой целостности дискурса, способы ее создания могут быть сведены к трем основным стратегиям: *вербальной, риторической и когнитивной*. Внутри этих стратегий выделяются различные тактики.

На рис. 2 представлена схема дискурсивной аннотации текстов, включенных в корпус.

Среди выделенных стратегий наиболее «востребованной» является вербальная стратегия: на ее долю приходится 53,1% от общего количества контекстов в корпусе. Этот факт объясняет, почему сложилась традиция причисления иронии к явлениям языковой системы, а не речи. Данные о количественном распределении контекстов, реализующих выделенные стратегии создания иронии, приведены в таблице 2.

Таблица 2. Стратегии создания иронии

Стратегия создания иронии	Кол-во контекстов	Доля от общего кол-ва контекстов
Вербальная	3212	53,1%
Риторическая	1540	21,4%
Когнитивная	1296	25,5%
Всего	6048	100%

Вербальная стратегия проявляется в намеренном отступлении от конвенций узуса или языковой нормы, в нетривиальном использовании лексических, грамматических или стилистических языковых средств. В предлагаемой схеме описание вербальных тактик создания иронии ориентировано на традиционное для лингвистики уровневое представление о структуре языка, в соответствии с которым были выделены лексические, грамматические и стилистические тактики создания иронии в высказывании / тексте.

Примерами реализации вербальной стратегии являются антифразисв примере [3] и нетривиальная лексическая сочетаемость в примере [4]:

[3] *The Queen has been told to cut spending and raise cash for her £50 million household repair bill by renting out Buckingham Palace for special events. **What a brilliant idea*** [The Times 29th January, 2014].

[4] *Свежий кремлевский спикер Денардые в интервью «Вестям недели» представляет правильные акценты с усердием стажера госканала: у оппозиции нет ни программы, ни умных людей, кроме Каспарова, да и тот годится*

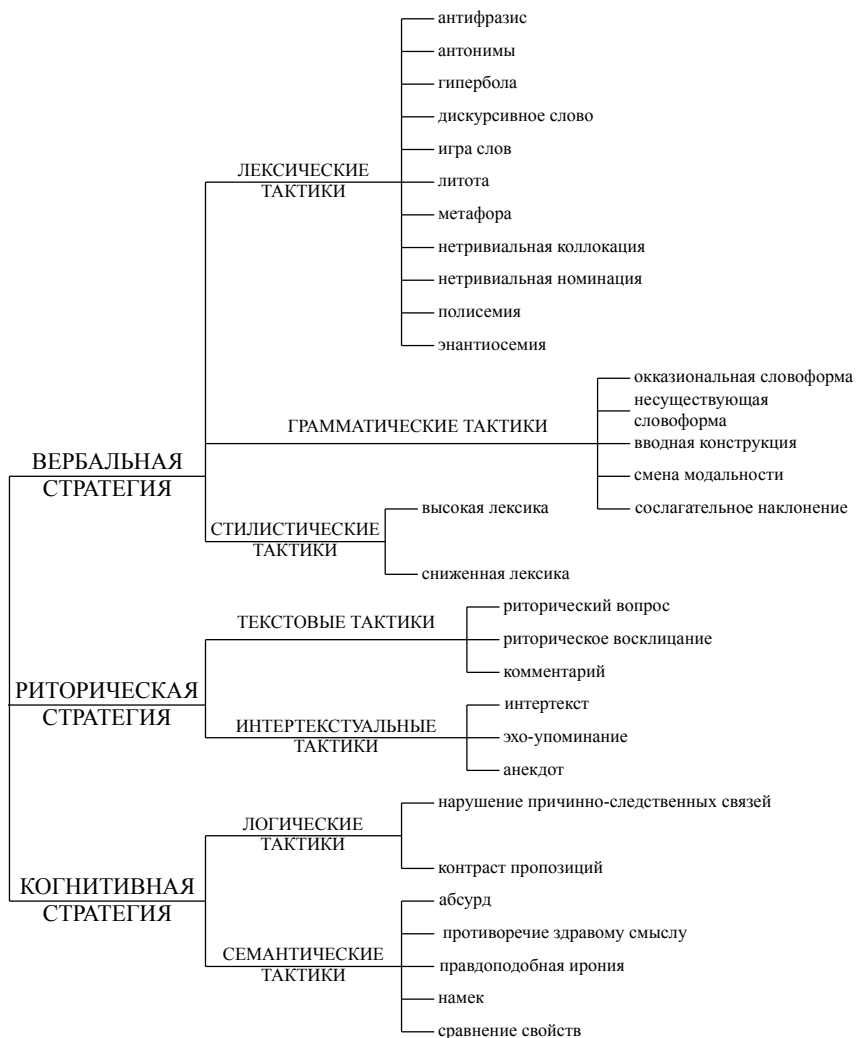

Рис 2. Схема дискурсивной аннотации текстов

только для шахмат [С. Тарощина. «Лаховой на всех не хватило» <http://www.gazeta.ru/column/taroschina/4927985.shtml>].

Риторическая стратегия реализуется в различных отступлениях от канонической структуры текста (например, постоянным переключением из нарративного режима в режим комментирования). Выделяемые внутри этой стратегии

тактики делятся на интертекстуальные, связанные с включением в высказывание или текст элементов других текстов, и собственно риторические, когда ирония возникает как результат отступления от канонической структуры повествования или диалога. Так, в примере [5] последовательность изложения событий прерывается комментарием повествователя. В примере [6] ирония создается с помощью риторического вопроса:

[5] – *Как вас зовут? – спросила Евгения Александровна премьера.*

Она была, наверное, в этот момент единственным человеком в стране, которому мог прийти в голову этот вопрос [А. Колесников. «Владимиру Путину дали семейный номер». «Коммерсант» № 193, 18.10.2010].

[6] *Летом 2011 года вы запретили ввоз овощей из Египта, но разрешили ввоз овощей из Италии и Венгрии. То есть, овощи из Египта надо сначала везти в Венгрию, так получается?* [Вопросы к главному санитарному врачу России Г. Онищенко. <http://www.redburda.ru>]

Когнитивная стратегия создания иронии «эксплуатирует» имеющиеся у коммуникантов знания о мире и о том, какое положение дел считается нормальным. Ироничные высказывания и тексты противоречат этим знаниям, представляя ситуацию странным или необычным образом. Выделяемые на следующем уровне иерархии когнитивные тактики условно названы логическими и семантическими: их основное различие заключается в том, что в группу логических тактик попадают случаи, основанные на нарушениях законов логики (пример [7]), а в группу семантических – ситуации, когда говорящий отступает от здравого смысла или высказывание не соответствует законам окружающего мира (пример [8]):

[7] *Сила суда не в жесткости, а в неотвратимости наказания. Тот, кто хочет избежать его, может откупиться на стадии следствия* [интернет-коммуникация, твиттер].

[8] *Ясное дело все ракеты перед стартом освящаются, фоток этого процесса в сети полно.*

Загадки же в неудачах никакой нет – проблема в том, что с тех пор как в России практически покончили с атеизмом ракеты стали биться о небесную твердь* [интернет-коммуникация, блог].

Корпус позволяет давать количественную оценку наблюдаемым явлениям. Информация о частоте использования различных тактик создания иронии представлена в таблице 3.

Наиболее разнообразными оказались лексические тактики создания иронии: практически все способы семантических «сдвигов» (т.е. риторические тропы и фигуры) при определенных прагматических условиях способны служить сигналами иронии. Самыми распространенными вербальными тактиками создания

---

* Орфография и пунктуация в контекстах, относящихся к компьютерно-опосредованной коммуникации, сохранены.

Таблица 3

Частота использования различных тактик создания иронии в дискурсе

Тактика	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
Интертекст	940	15,5
Антифразис	864	14,3
Противоречие здравому смыслу	600	9,9
Нетривиальная лексическая сочетаемость	508	8,4
Эхо-упоминание	468	7,7
Риторический вопрос	400	6,6
Нетривиальная номинация	296	4,9
Комментарий	252	4,2
Абсурдная ирония	248	4,1
Гипербола	248	4,1
Метафора	196	3,2
Дискурсивные слова	184	3,0
Намек	168	2,8
Сниженная лексика	116	1,9
Правдоподобная ирония	104	1,7
Антонимы	92	1,5
Литота	92	1,5
Игра слов	80	1,3
Несуществующая словоформа	72	1,2
Окказионализмы	72	1,2
Полисемия	64	1,1
Сослагательное наклонение	60	1,0
Энантисемия	60	1,0
Риторическое восклицание	56	0,9
Нарушение причинно-следственной связи	44	0,7
Сравнение	40	0,7
Анекдот	32	0,5
Вводная конструкция	32	0,5
Контраст пропозиций	32	0,5
Высокая лексика	28	0,5
Форма слова	28	0,5
Смена модальности	20	0,3

иронии являются антифразис (14% от общего количества контекстов), нетривиальная лексическая сочетаемость (8,4%), нетривиальная номинация (5%). Среди риторических тактик чаще других используются интертекстуальные отсылки (15,5% от общего количества контекстов), эхо-упоминания (7,7%) и риторические вопросы (6,6%). Противоречие высказывания здравому смыслу оказалось самой частотной когнитивной тактикой – на ее долю приходится 10% от общего количества контекстов.

Обращает на себя внимание высокая частотность использования тактик интертекстуальных отсылок и эхо-упоминаний. Наряду с антифразисом, противоречием здравому смыслу и нетривиальной лексической сочетаемостью эти

тактики входят в пятерку наиболее частотных. Это объясняет, почему теория иронии-как-эха Д. Спербера и Д. Уилсон стала одной из наиболее популярных лингвистических концепций в последние десятилетия.

Для исследования особенностей риторической структуры иронического текста был также выделен подкорпус нарративов – еще одна специализированная коллекция текстов, размеченных с точки зрения их нарративной структуры. Общее количество нарративных текстов, вошедших в подкорпус – 67, объем подкорпуса составляет около 90 тыс. словоупотреблений. Анализ особенностей смысловой организации иронических нарративов представлен в главе 7.

Поскольку в задачи данного исследования входило не только описание того, как создается и интерпретируется ирония в различных режимах коммуникации, но и анализ метапрагматической оценки иронии носителями языка, для сбора данных использовались корпуса русского, польского, немецкого и американского варианта английского языков.

На этом этапе исследования решались две задачи. Во-первых, с целью выяснения, какие высказывания носители языка считают ироничными, изучался процесс обсуждения модуса коммуникации. Во-вторых, для анализа оценки иронии и выделения метафорических моделей описания иронии исследовалась сочетаемость лексем *ирония* и *irony* с прилагательными.

Для решения этих задач были сформированы конкордансы контекстов, содержащих маркеры модусов дискурса *bona fide* и *non bona fide*. Такими маркерами являются русские конструкции *я иронизирую, это была ирония, я (говорю) серьезно, я (не) шучу, говорить с иронией*, английские *I'm being ironic, I'm kidding, comment / answer / say with irony*, немецкие *sagen mit Ironie, ironisieren*, польские *ironizować, mówić / pytać z ironią, to była ironia* и др.

Для изучения отношения носителей языков к иронии были собраны конкордансы, в которые вошли контексты, содержащие словосочетания вида «*прилагательное + ирония / irony / Ironie / ironia*». Общее количество проанализированных контекстов для русского языка составляет 715 примеров, для английского – 689, для немецкого – 435 и для польского – 428 фрагментов. Подробный анализ сочетаемостных свойств лексем *ирония* и *irony*, а также наиболее распространенные метафорические способы описания иронии представлены в главе 5.

В главе 4 «Модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide*» обсуждаются основные свойства двух модусов дискурса – серьезного (*bona fide*) и несерьезного (*non bona fide*). Термином *модус* в диссертации обозначается такой режим коммуникации, который основан на определенных взаимоотношениях между участниками дискурса, высказыванием и положением дел в действительности.

Модусы *bona fide* и *non bona fide* различаются правилами интерпретации высказываний, поэтому для моделирования структуры дискурса противопоставление двух модусов имеет принципиальное значение: смена модуса может значительно повлиять на ход общения и его конечный результат.

Основное различие между двумя модусами коммуникации касается способа соотнесения высказывания с реальной ситуацией: высказывание в модусе *bona fide* коррелирует с некоторой ситуацией в реальном мире и с точки зрения говорящего является истинным. Высказывание в модусе *non bona fide* отсылает адресата к несуществующей ситуации либо представляет реальную ситуацию странным, необычным образом.

Соотношение высказывания с действительностью нельзя считать универсальным критерием, по которому различаются два модуса дискурса, поскольку он не объясняет случаев правдоподобной иронии, когда говорящий эксплицирует собственные ожидания или некоторую социальную норму в ситуации, противоречащей этим ожиданиям или нормам. Также этот критерий неприменим к ситуациям, когда ирония создается с помощью риторических вопросов или интертекстуальных отсылок.

Для описания различных режимов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* необходимо последовательно учесть по меньшей мере еще три свойства.

1. В отличие от модуса *bona fide*, необходимым элементом общения в модусе *non bona fide* является игровое поведение говорящего. Игра как тип поведения – один из важнейших способов освоения окружающего мира: через игру человек познает свойства и функции объектов; в игре он ищет новые пути использования уже известных вещей и знаков. Игра с лингвистическими знаками оказывается удобным способом проверить, какие еще действия помимо передачи информации можно совершать с языком. С точки зрения прагматики коммуникации игровое речевое поведение может быть причиной несовпадения значения высказывания и коммуникативного замысла говорящего.

С прагматической точки зрения два модуса коммуникации различаются степенью кооперативности говорящего: если общение в модусе *bona fide* изначально предполагает рациональное и кооперативное поведение всех участников дискурса, то дискурс *non bona fide* является примером взаимодействия, в котором кооперативность и рациональность говорящего «замаскированы» под внешне нерациональные, а иногда и абсурдные высказывания.

Кооперативность – понятие сколь полезное для моделирования вербального взаимодействия, столь и расплывчатое. Ограничением, уменьшающим объяснительную силу понятия кооперативности, является его бинарная трактовка: принято считать, что поведение говорящего может быть либо кооперативным, либо некооперативным. Более точным представляется трактовка кооперативности как понятия градуального: рациональность и целенаправленность может проявляться в речевых действиях говорящего в различной степени. С учетом второго критерия – игры и притворства – именно это свойство оказывается принципиально важным для описания различных режимов коммуникации в модусах *bona fide* и *non bona fide*: за внешне нерациональным высказыванием может стоять абсолютно рациональное коммуникативное намерение говорящего. Юмор, ирония и сарказм – это примеры кооперативного речевого поведения, однако

степень кооперативности в данном случае значительно ниже по сравнению с дискурсом *bona fide*, в котором действия говорящего в максимальной степени соответствуют ожиданиям адресата.

Модусы коммуникации *bona fide* и *non bona fide* позволяют различную степень свободы в использовании металингвистических комментариев. Более того, комментарии могут отличаться степенью «детализированности»: в разных режимах дискурса *bona fide* и *non bona fide* они могут либо указывать на модус коммуникации в целом, либо эксплицировать конкретный речевой акт, либо называть определенный режим общения, каждый раз задавая различный объем правил интерпретации. В любом случае, металингвистические маркеры модуса коммуникации позволяют говорящему / пишущему расширить контекст и облегчают задачу интерпретации сказанного / написанного для адресата.

Названные критерии могут быть использованы для дифференциации различных режимов *bona fide* и *non bona fide* коммуникации: в предлагаемой модели для модуса *bona fide* выделяются два основных режима: эксплицитный и имплицитный.

Основные свойства эксплицитной и имплицитной коммуникации в модусе *bona fide* представлены в таблице 4.

Основное различие между эксплицитной и имплицитной *bona fide* коммуникацией состоит в необходимости привлечения логической либо вероятностной инференции для соотнесения сказанного с реальностью. Важно, однако, помнить о том, что границы между различными режимами дискурса достаточно условны: так, уже в имплицитной коммуникации в модусе *bona fide* наблюдаются элементы игры – свойства, более характерного для режимов коммуникации *non bona fide*. Непрямое выражение интенции – это первый шаг к игровому действию со знаком.

Эксплицитный и имплицитный режимы коммуникации в модусе *bona fide* различаются также в возможностях металингвистического комментирования собственных речевых действий говорящим: если эксплицитное общение позволяет только указать на модус в самом общем виде (*я говорю серьезно / я не шучу*), то имплицитный дискурс требует называния конкретного речевого акта, адекватная интерпретация которого по какой-либо причине оказалась под угрозой.

Следующий этап исследования – описание режимов модуса *non bona fide* и выделение тех параметров, которые отличают иронию от других режимов не-серьезной коммуникации. Для модуса *non bona fide* в работе выделяются следующие режимы: юмор, ирония, сатира, ложь, абсурдный дискурс. Такой выбор объясняется тем, что в различных теориях ирония рассматривается как разновидность юмора, лжи или абсурдного дискурса или же объединяется с сарказмом и противопоставляется юмористической коммуникации.

На трудности, возникающие у исследователей при попытке разграничить различные режимы дискурса *non bona fide*, указывает К. Барб: ни функция, ни цель, ни лёгкость распознавания намерений говорящего не могут служить сколько-нибудь объективными критериями разграничения [Barbe 1995].

Таблица 4. Режимы модуса коммуникации *bona fide*

Режим коммуникации	Соотношение высказывания с реальностью	Степень кооперативности говорящего	Элемент игры / притворство	Металингвистические комментарии
Эксплицитный	И для говорящего, и для адресата высказывание отражает некоторую ситуацию в реальном мире	Максимальная, т.к. основная цель общения – передача информации	Полностью отсутствует	Указывают на модус и определяют режим интерпретации высказывания: <i>Я (говорю / спрашиваю) серьезно</i> <i>Я (говорю) искренне</i>
Имплицитный	Соотношение между высказыванием и реальностью восстанавливается путем инференции.	Высокая: говорящий использует конвенциональные способы оформления косвенных речевых актов, что облегчает задачу распознавания стоящего за высказыванием намерения	Присутствует в минимальной степени: интенция не выражена прямо	Эксплицируют тип речевого акта, например, « <i>Я не прощу, а требую!</i> »

Предлагаемая модель режимов модуса коммуникации *non bona fide* является полипараметрической: юмор, ирония, сарказм, ложь и абсурдный дискурс описываются с точки зрения нескольких признаков, а именно – уже упомянутых ранее степени кооперативности говорящего, наличие игры / притворства и возможности метапрагматического комментирования говорящим собственных речевых действий. К этим параметрам добавлены ещё два: обязательность и степень эксплицитности выражения деонтической оценки (т.е. оценки по шкале «должное – данное»), а также апелляцию к разуму или эмоциям адресата. Комбинирование признаков дает необходимые «портреты» интересующих нас режимов коммуникации: модель отражает как сходства, так и различия между ними.

Обобщенное описание прототипических вариантов дискурса *non bona fide* представлено в таблице 5. Поскольку дополнительные параметры (апелляция к разуму или к эмоциям и выражение деонтической оценки) нерелевантны для лжи и абсурдного дискурса, они рассматриваются только применительно к юмору, иронии и сарказму отдельно, в таблице 6.

Таблица 5. Режимы модуса коммуникации по *bona fide*

Режим коммуникации	Соотношение с реальностью	Кооперативность / рациональность собеседника	Элемент игры / творчества	Метапрагматические комментарии
Юмор	Высказывание / текст соответствует реальной ситуации до так называемого кульминационного момента (punch line)	Высокая: юмор способствует укреплению внутривнутригрупповых связей	Обязателен	<i>Я шушу / пошутил / пошутила, I'm just joking / kidding, ich hab doch nur geschert, ja żartuję / żartowałam / żartowałem</i>
Ирония	Ироническое высказывание не соответствует ситуации или ожиданиям говорящего.	Не очевидна, степень имплицитности может варьировать (явная ирония – тонкая / скрытая ирония)	Обязателен	<i>Я иронизирую I'm being ironic Ich ironisiere jetzt / Ich bin ironisch / das war ironisch gemeint Jestem ironiczny / ironiczna</i>
Сарказм	Высказывание не соответствует ситуации, часто представляя ее как абсурдную	Внешне речевые действия противоречат Принципу Кооперации	Обязателен	<i>Это был сарказм I'm being sarcastic Das war sarkastisch gemeint</i>
Ложь	Не соответствует в максимальной степени	Речевые действия говорящего рациональны, но полностью некооперативны	Притворство говорящего является обязательным условием успешности лжи	Не употребляются, т.к. разоблачат интенцию говорящего, тем самым приводя к «иллюзивному самоубийству»
Абсурдный дискурс	Не имеет коррелята в окружающем мире	Речевое поведение абсолютно нерационально	Данный критерий нерелевантен	Не употребляются

Таблица 6. Выражение оценки и апелляция к эмоциям или разуму

Режим дискурса non bona fide	Выражение деонтической оценки	Апелляция к эмоциям / к разуму
Юмор	Не обязательно	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – вызвать смех адресата / аудитории
Ирония	Негативная деонтическая оценка выражена имплицитно	В равной мере обращена к эмоциям и разуму (интерпретация иронии требует инференции)
Сарказм	Негативная деонтическая оценка выражена эксплицитно	Эмоциональная составляющая доминирует, цель говорящего – выразить негативную оценку ситуации

В модусе non bona fide описываемые режимы дискурса распадаются на две группы: в первую входят юмор, ирония и сарказм, во вторую – ложь и абсурд. Основное различие связано с некооперативностью и нерациональностью лжи и абсурдного дискурса. Кроме того, ложь и абсурдный дискурс не позволяют говорящему комментировать собственные речевые действия. Фразы **Я лгу / говорю неправду* или **Я несу чушь* невозможны в качестве металингвистических комментариев в момент речи.

Важной особенностью «несерьезного» общения является возможность рациональной интерпретации высказываний несмотря на внешнее несоответствие сказанного реальному положению дел. В пользу этого свидетельствует следующий комментарий:

[9] *И хотя в его словах звучала ирония, смысл их был далеко не ироничный* [НКРЯ].

Следующий шаг исследования – с помощью введения дополнительных параметров определить различия между юмором, иронией и сарказмом. Такими параметрами являются выражение деонтической оценки и апелляция к эмоциям / разуму собеседника.

Деонтическая оценка важна не менее оценки аксиологической: именно на основе знания о должном формируются коллективные системы ценностей. Отступления от социально закрепленных норм в дискурсе могут подвергаться эксплицитной критике либо, если по каким-либо причинам прямое выражение критической оценки оказывается нежелательным, говорящий может маркировать это отступление от нормы имплицитно, через несоответствие высказывания ситуации. Обязательное имплицитное выражение деонтической оценки – это тот критерий, который отличает иронию и сарказм от юмора.

Пользуясь полипараметрическим описанием, можно смоделировать различия между различными режимами модуса коммуникации non bona fide в виде

матрицы. На примере иронии и юмора продемонстрируем, как данная модель помогает провести условные границы между двумя режимами коммуникации *non bona fide*:

Признак	Юмор: значение	Ирония: значение
<Соответствие высказывания реальной ситуации>	[нет]	[нет]
<Необходимость привлечения инференции>	[да]	[да]
<Игра / притворство говорящего>	[специально маркируется]	[специально маркируется]
<Рациональность и кооперативность действий говорящего>	[да]	[да]
<Выражение оценки>	[факультативно, оценка положительная]	[обязательно, оценка отрицательная]
<Апелляция к эмоциям / разуму>	[эмоции]	[эмоции и разум]
<Металингвистическое комментирование>	[возможно]	[возможно]

Описание иронии на основе набора параметров оказывается удобным по нескольким причинам. Во-первых, оно показывает место иронии в структуре дискурса и позволяет проводить условные границы между различными режимами коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Во-вторых, такой подход позволяет видеть, какие условия влияют на интерпретацию высказывания как иронического или юмористического: вероятность иронической интерпретации повышается в случае, если высказывание содержит оценку по шкале «должное – данное». Кроме того, в отличие от юмора, обязательным компонентом иронического дискурса является не только эмоциональная, но и рациональная интерпретация сказанного. Наконец, предложенная модель показывает не только различия, но и сходства между двумя режимами модуса *non bona fide*. Теперь становится ясно, почему иронию часто рассматривают как разновидность комического: этому способствует наличие целого ряда общих свойств.

Опыт полипараметрического описания модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* позволяет сделать несколько выводов.

1. Выделение и описание различных режимов дискурсов *bona fide* и *non bona fide* нельзя провести по единому основанию. Сложность и динамичность дискурса требует введения целого ряда параметров, которые определяют основные свойства двух модусов дискурса. Различные режимы модусов *bona fide* и *non bona fide* характеризуются конкретными значениями выделенных признаков. Соотношение параметров (точнее, их возможных значений, релевантных для выбора правил интерпретации высказывания) и различных режимов дискурсов *bona fide* и *non bona fide* можно представить в виде схемы, где значения признаков и интересующие нас

режимы коммуникации находятся в отношении «многие ко многим» (рис. 3).

Предложенная схема позволяет говорить о том, что описание разных ре-

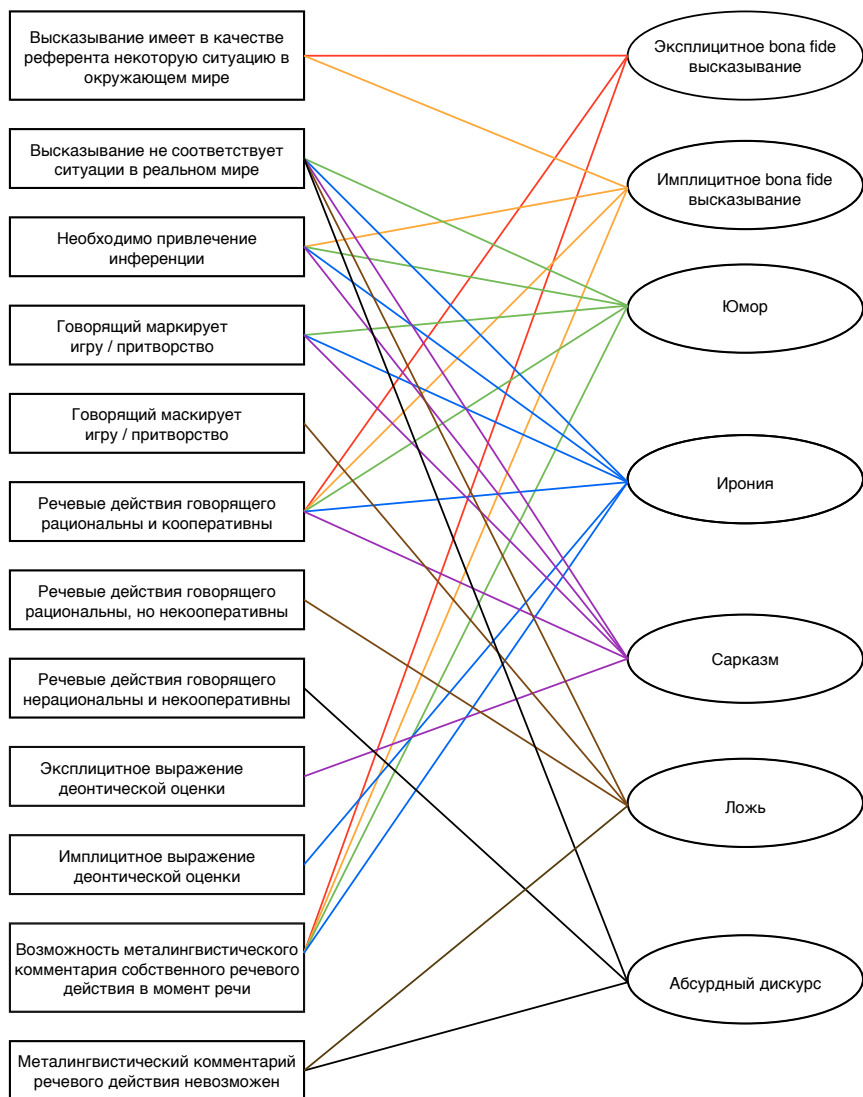

Рис. 3. Полипараметрическое описание режимов модусов дискурса bona fide и non bona fide

жимов коммуникации требует разного количества признаков. Более сложные с точки зрения семантики и прагматики режимы коммуникации (ирония, юмор, сарказм) требуют большего количества параметров (например, для иронии необходимо семь параметров). Кроме того, для описания конкретного режима коммуникации релевантными могут оказаться не все задаваемые параметры. Наконец, для принятия решения о том, как следует интерпретировать сказанное, некоторые параметры оказываются более значимыми по сравнению с другими.

Предложенная схема подтверждает идею о принципиальной недискретности дискурса [Kibrik 2012]. Наличие общих свойств у различных режимов модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide* – одна из причин того, что далеко не всегда возможно однозначно определить, в каком режиме происходит общение. Однако это не означает, что недискретность дискурса делает невозможным моделирование процесса коммуникации.

Процесс принятия решения о том, какие правила интерпретации следует применять к конкретному высказыванию / тексту, может быть описан в вероятностных терминах. В процессе интерпретации услышанного или прочитанного участники дискурса оценивают степень вероятности того или иного способа понимания. Сигналом того, что несколько вариантов интерпретации оказываются равновероятными, является появление в высказывании металингвистического маркера модуса коммуникации, например:

[10] *Я никогда не пойму / когда ты шутишь / когда говоришь всерьёз [НКРЯ].*

Важно также, что в описании различных режимов коммуникации предложенные параметры различаются по степени значимости. Очевидно, что для принятия решения о том, является ли высказывание юмористическим или ироническим, наиболее существенными оказываются параметры <выражение оценки> и <апелляция к эмоциям / разуму>: в зависимости от того, какое значение «присвоит» им адресат в конкретной ситуации общения, высказывание будет интерпретировано либо как юмор, либо как ирония.

2. Не существует единого алгоритма описания различных режимов модусов коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Для некоторых режимов (например, для абсурдного дискурса), достаточно двух критериев. Ирония, юмор и сарказм в этом отношении оказываются более сложными режимами коммуникации: для их распознавания требуется больше параметров.

3. Поскольку критерии, на основе которых можно устанавливать сходства и различия между различными типами серьезного и несерьезного общения, имеют разную степень значимости, они могут быть упорядочены в виде иерархии. Последовательно применяя их, можно выделять и описывать различные режимы коммуникации *bona fide* и *non bona fide*. Процесс выбора режима интерпретации схематически представлен на рис. 4.

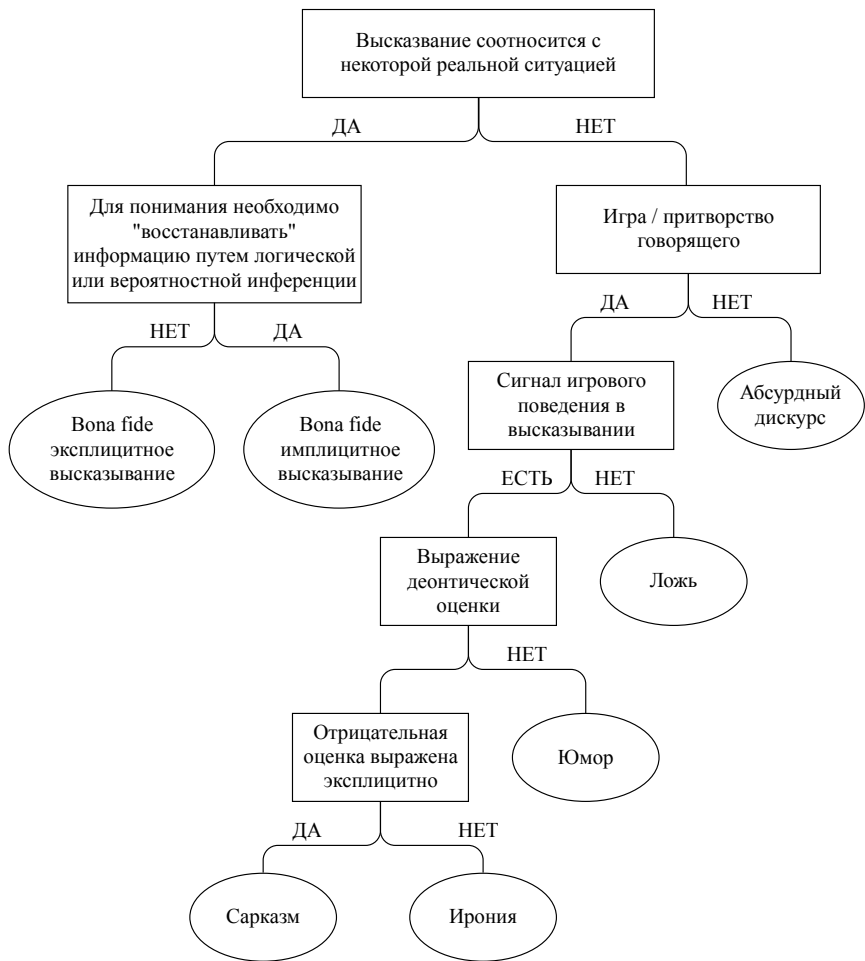

Рис. 4. Модель алгоритма интерпретации высказываний в модусах bona fide и non bona fide

Иерархия параметров отражает степень их важности при принятии решения о способе интерпретации высказывания. Наиболее важным является критерий соотношения высказывания с реальностью – именно на его основе выделяются два модуса коммуникации. Основанием для дальнейшего выделения эксплицитного и имплицитного режимов дискурса bona fide является параметр «необходимость привлечения логической / вероятностной инференции»: если в эксплицитных высказываниях адресат может получить всю информацию, опи-

раясь только на форму высказывания, то в случае имплицитной коммуникации адресату приходится «восстанавливать» некоторую информацию либо путем формально-логического вывода, либо опираясь на собственную интуицию и знания о мире.

Что касается модуса дискурса *non bona fide*, то сигналом рациональности речевых действий может считаться игровое поведение / притворство говорящего. Отсутствие игры в действиях говорящего позволяет отделить абсурдный дискурс от других режимов модуса *non bona fide* **уже на втором шаге.**

Дальнейшее различение юмора, иронии и сарказма основано на наличии в высказывании оценки по шкале «данное – должное» и по степени эксплицитности этой оценки. Для юмористической коммуникации деонтическая оценка не является обязательной, и это отличает юмор от иронии и сарказма. Наконец, назвать сказанное иронией или сарказмом носитель языка может в зависимости от того, насколько явно говорящий выражает отрицательное отношение к обсуждаемой ситуации.

В модели выбора режима интерпретации не упомянут еще один важный компонент коммуникации – возможность металингвистических комментариев. Это не означает, что метакоммуникация не играет роли в процессе выбора способа понимания высказывания; наоборот, эксплицитное указание на модус *bona fide* либо *non bona fide* – это способ снятия прагматической неоднозначности в тех ситуациях, когда оба варианта интерпретации сказанного / написанного оказываются равновероятными.

Глава 5 «Ирония в «наивной» картине мира» посвящена анализу метапрагматической рефлексии носителей различных языков. В повседневной коммуникации метадискурс всегда существует там, где есть необходимость сообщить адресату некоторую информацию о свойствах высказывания или текста и, соответственно, о правильном способе его интерпретации. Метапрагматическая деятельность – это компонент метадискурса, включающий не только размышления носителей языка о прагматических свойствах коммуникации, но и использование языковых средств с целью организации взаимоотношений между участниками общения.

Поскольку имплицитные представления «первого порядка» лежат в основе любой научной теории дискурса или модели коммуникации, обращение к уровню метакоммуникации является важной частью лингвистического анализа любого дискурсивного явления. Изучение того, как используются дискурсивные маркеры, указывающие на интерпретацию высказывания по правилам модуса *bona fide* или, напротив, модуса *non bona fide*, **позволяет понять, как происходит переключение между двумя модусами, а также какие речевые действия носители языка классифицируют как иронию.**

С семиотической точки зрения дискурсивные маркеры модуса коммуникации (*я говорю серьезно, я иронизирую* и т.д.) – это индексы, с помощью кото-

рых участники дискурса «увязывают» ситуацию и высказывание. Их появление в речи объясняется потребностью в обеспечении когерентности дискурса в тех случаях, когда возможна двойственная интерпретация сказанного.

Мета-комментарии позволяют решать и более узкие коммуникативные задачи. В частности, они необходимы для организации взаимоотношений между говорящим, адресатом и высказыванием: с помощью метапрагматических маркеров говорящий регулирует процесс понимания сказанного. Причин для снятия иллюкутивной неоднозначности может быть несколько.

В самом общем случае говорящий опасается неверной интерпретации его коммуникативного замысла адресатом. Чтобы избежать непонимания, он эксплицитно обозначает свои коммуникативные намерения:

[11] *Наверное, мужики будут от меня бежать еще дальше и быстрее, ибо очки добавили к и без того тягощенной разнообразными знаниями голове особый признак «+100 возможного интеллекта». Это я иронизирую* [интернет-коммуникация].

Маркеры могут указывать на то, как соотносятся высказывание и реальность: в случае коммуникации в модусе *bona fide* высказывание соответствует реальности, в случае общения в модусе *non bona fide* это соответствие нарушается. Пример [12] иллюстрирует случай, когда один из участников диалога, посвященного обсуждению методов лечения серьезного заболевания, использует комментарий в модусе *non bona fide*:

[12] *(*Ironie on*)*

Diese Krankheit wurde von der heimtueckischen, boshafsten und geldgierigen "Pharmamafia" in verschworerischen Machenschaften zusammen mit dem Gesundheitswesen der ganzen Welt, zu einer in Vergessenheit geratenen Krankheit gemacht.

(*Ironie off*) [интернет-коммуникация]

Появление маркера модуса коммуникации во «встречной» реплике может быть объяснено, во-первых, потребностью проверить, правильно ли понята интенция собеседника:

[13] – *"film zawodzi tym, ze mógłby byc dużo lepszy" to jest najlepsze uzasadnienie krytyki filmu, jakie udało mi się przeczytać.*

– *nie wiem, ironizujesz czy nie?*[интернет-коммуникация]

Вторая причина появления маркера – отказ принять предлагаемый собеседником модус общения *non bona fide* и желание вернуть диалог в исходный модус:

[14] – *Вера Власовна, нравственность, мораль во многом определяются традициями общества. Ваша комиссия реально собирается влиять на нравы и обычаи жителей нашего города?*

– *Я понимаю вашу иронию, но дело, конечно же, не только в названии.*

Маркер модуса коммуникации может также сигнализировать отказ собеседнику в праве на коммуникацию в модусе *non bona fide*:

[15] *Здравствуйте Александр Николаевич, напрасно вы иронизируете по поводу компетентности массажистки, люди просто так ходить не будут, а к ней ездят со всей области* [интернет-коммуникация].

В речи наблюдателя (повествователя) маркер модуса коммуникации задает способ интерпретации текста читателем:

[16] *А он говорил все время хотя и с легкой, но агрессивной иронией, причем ирония была одинаково направлена на всех участников тусовки – слово бешено вошло в моду – на него самого и даже на нее!* [НКРЯ]

Таким образом, эксплицитное указание на иронию – это либо «инструкция» по пониманию сказанного, либо сигнал начала «переговорного процесса», вызванного сменой модуса коммуникации.

Имплицитная оценка иронии может быть выявлена через анализ сочетаемости существительного *ирония*. Для исследования ближайшего окружения лексемы *ирония* был сформирован конкорданс, содержащий эту лексему в сочетании с прилагательными. Обязательным условием включения контекста в конкорданс было указание на то, что ирония реализуется средствами естественного языка, а не других знаковых систем (жестов, мимики или зрительных образов):

[17] *Об этих двух своих сыновьях Наталья Михайловна говорила с горькой иронией.* [НКРЯ]

Ремарки, с помощью которых идентифицируются и одновременно оцениваются речевые действия, как правило, содержатся в комментариях повествователя. Сами участники коммуникации не могут занимать позицию наблюдателя и оценивать собственные речевые действия, т.е. нельзя сказать **я говорю это с горькой иронией* или спросить **ты говоришь серьезно или с благодушной иронией?* Позиция повествователя позволяет комментировать речевые действия непосредственных участников диалога; рассказчик как бы «редактирует» дискурс, вписывает высказывания в конкретную коммуникативную ситуацию и одновременно дает читателю ориентир для понимания авторской интенции и интерпретации текста.

Данные о сочетаемости существительного *ирония* с прилагательными в русском языке приведены в таблице 7. В таблицу вошли коллокации с частотой встречаемости не ниже 5.

В число десяти наиболее частотных определений, характеризующих иронию, входят прилагательные *легкая, злая, тонкая, едкая, нескрываемая, грустная, добродушная, скрытая, явная*. Уже этот небольшой список показывает, что носители русского языка склонны давать иронии прямо противоположные оценки (*злая vs. добродушная, скрытая vs. явная*), однако общий объем негативных оценок выше.

Таблица 7. Сочетаемость лексики «ирония» с прилагательными (по данным НКРЯ)

Коллокация	Кол-во контекстов	% от общего кол-ва контекстов
<i>горькая ирония</i>	64	14,8
<i>легкая ирония</i>	44	10,2
<i>злая ирония</i>	30	6,9
<i>тонкая ирония</i>	19	4,4
<i>едкая ирония</i>	13	3,0
<i>нескрываемая ирония</i>	12	2,8
<i>грустная ирония</i>	11	2,5
<i>добродушная ирония</i>	10	2,3
<i>скрытая ирония</i>	10	2,3
<i>явная ирония</i>	9	2,1
<i>мрачная ирония</i>	6	1,4
<i>глубокая ирония</i>	6	1,4
<i>благодушная ирония</i>	5	1,2
<i>ласковая ирония</i>	5	1,2
<i>мягкая ирония</i>	5	1,2
<i>небрежная ирония</i>	5	1,2
<i>язвительная ирония</i>	5	1,2

Анализ коннотаций прилагательных дает возможность сделать вывод о семантической просодии слова *ирония* в русском языке. Термином *семантическая (дискурсивная) просодия* в корпусных исследованиях лексической сочетаемости принято обозначать сочетаемостные предпочтения слова, в частности, тенденцию слова встречаться в окружении слов с определенной коннотацией [Stubbs 2007; Stewart 2010]. Понятие семантической просодии помогает объяснять, каким образом коннотативные свойства окружения, в котором встречается слово, распространяются и на само слово. Обилие прилагательных с негативным коннотативным компонентом позволяет говорить и о том, что у слова *ирония* в русском языке есть тенденция к отрицательной дискурсивной просодии.

Восприятие вербальной иронии также исследовалось на материале двух корпусов американского варианта английского языка – The Corpus of Contemporary American English и The Corpus of Historical American English.

Среди прилагательных наиболее частотными оказались *heavy* и *bitter* (26 и 24 вхождения). Далее среди 10 наиболее частотных оказались прилагательные* *fine*(10), *quiet* (10), *grim* (9), *certain* (6), *characteristic* (6), *mock* (6), *gentle* (5), *playful* (5), *unconscious* (5).

* В скобках указано количество вхождений каждого словосочетания в конкорданс.

В сочетаемости английского существительного *irony* прослеживаются тенденции, которые наблюдались и на основе данных НКРЯ: прагматический эффект от иронии в дискурсе может быть как положительным (*fine, gentle, playful irony*), так и отрицательным (*heavy, bitter, grim, mock irony*). Кроме того, значимой является легкость распознавания и ожидаемость иронии в дискурсе (*certain, characteristic irony*).

Значительная часть прилагательных, с помощью которых носители различных языков характеризуют иронию является метафорическим способом описания этой дискурсивной практики. Самым распространенным способом метафорического переноса являются описания иронии через вкусовые и тактильные ощущения. Такие метафоры можно условно назвать *синестетическими*:

[18] *Zareklamowali mi syna, teraz ja ich mocno reklamuję – mówi z gorzką ironią pan Zbigniew.*[НКЯР]

[19] *Ein Kommentarganz besonderer Art. Eine gute Satire ist wie eine saftige Zitrone: Wenn man 'reinbeißt, muss sie vor bitterer und saurer Ironie spritzen.* [www.wissen.de/journalistische-stilformen]

[20] *Ваша язгучая ирония с каким-то рассеянным прицелом непонятно на кого направлена.* [интернет-коммуникация]

[21] *With humor and razor-sharp irony, he identifies and elaborates on 77 key principles guaranteed to make you into the highly ineffective Christian that you never wanted to be.* [<http://chrisfabry.com/the-77-habits-of-highly-ineffective-christians>]

Устойчивость метафорического осмысления иронии носителями разных языков можно интерпретировать как факт в пользу того, что с когнитивной точки зрения создание и понимание иронии – это в значительной мере универсальный процесс, не зависящий от конкретного языка. Обилие синестетических метафор, а также метафор, связанных с телесным опытом человека, говорит о том, что ирония тесно связана с нашим эмоциональным опытом, причем гораздо чаще ирония ассоциируется с негативными ощущениями.

В главе 6 «Ирония как дискурсивная практика» анализируется функционирование иронии в академическом, политическом, компьютерно-опосредованном и устном дискурсе, обсуждается дискурсивный статус иронии, а также обосновывается возможность использования понятия *дискурсивной практики* для описания иронии.

Исследование двух сфер коммуникации – политического и академического дискурса, а также двух каналов коммуникации – устного и компьютерно-опосредованного – дает возможность показать, что ирония не является исключительным атрибутом художественной речи. Кроме того, такой анализ позволяет выявить основные прагматические свойства иронии.

Анализ иронической коммуникации в академической и политической коммуникации подтверждает вывод о том, что основной функцией иронии является

ся установление асимметричных отношений авторитетности. Так, в академическом дискурсе ирония является сигналом критики оппонента, указанием на несостоятельность его точки зрения. В политическом дискурсе, важным свойством которого является агональность, ирония становится не только способом обозначения «своих» и «чужих», но и способом демонстрации превосходства говорящего над объектом иронии.

В устной коммуникации ирония также позволяет говорящему создавать асимметричные отношения авторитетности. Кроме того, исследование показало, что, вопреки существующим представлениям о творческом характере иронии и обязательности эстетического эффекта, в большинстве случаев инициаторы иронии использовали клишированные способы создания иронии, которые без труда могут быть распознаны собеседником.

Компьютерно-опосредованный дискурс отличается от устного общения в первую очередь тем, что его технологическая составляющая создает идеальные возможности для игровой коммуникации. Это объясняет широкое распространение иронии в виртуальном общении. Как и в устной коммуникации, ирония – это сигнал состязательности диалога, способ демонстрации превосходства собственного мнения над точкой зрения собеседника.

Распространенность иронии в различных сферах коммуникации позволяет поставить вопрос о ее дискурсивном статусе. В современных исследованиях статус иронии определяется в терминах речевой стратегии, речевой тактики, речевого акта, речевого жанра. Однако ни один из предложенных вариантов нельзя считать удовлетворительным: так, в отличие от речевого акта, ирония не может быть сведена к стандартному речевому действию. От речевого жанра иронию отличает возможность возникновения в различных сферах коммуникации.

Возможное решение вопроса о статусе иронии в дискурсе – описание ее в терминах *дискурсивной практики*: это понятие допускает вариативность речевого поведения и при этом помогает «ухватить» то общее, что позволяет носителям языка относить разнообразные проявления иронии к одной категории.

В самом общем виде *дискурсивная практика* может быть определена как распространенный в языковом сообществе способ говорить о чем-либо. Свойствами дискурсивной практики являются регулярность, независимость от сферы коммуникации, а также наличие имплицитных прагматических правил, которые позволяют участникам коммуникации интерпретировать коммуникативную интенцию говорящего некоторым стандартным образом.

Как дискурсивная практика ирония обладает следующими свойствами:

- 1) существует определенный набор правил, по которым эта практика реализуется в коммуникации. Основным правилом является намеренное нарушение смысловой целостности дискурса;
- 2) дискурсивная практика (в отличие от речевого жанра) не зависит от сферы общения. Ее важным свойством является регулярность.

3) дискурсивная практика иронии транслирует асимметричные отношения авторитетности: ирония позволяет говорящему зарабатывать «символический капитал» и тем самым повышать собственный авторитет;

4) помимо правил говорящего, существует набор правил интерпретации языковых выражений, в которых реализуется данная дискурсивная практика. В частности, адресат должен найти рациональное объяснение внешне некооперативным и нерациональным действиям собеседника. Вероятность иронической интерпретации повышается, если наряду с некогерентностью высказывание содержит сигналы игрового поведения и отрицательной деонтической оценки объекта иронии.

5) существует набор ролей для участников дискурса, участвующих в реализации определенной дискурсивной практики. Применительно к иронии в первую очередь это инициатор иронии, во вторую – объект иронии, и, наконец, адресат иронического высказывания или текста (иногда роли объекта иронии и ее адресата могут совпадать, а в случае самоиронии совпадают роли говорящего и объекта иронии).

Корпусный анализ показывает, что все многообразие проявлений иронии в дискурсе может быть описано с помощью предложенного набора свойств: для каждой конкретной ситуации могут быть определены инициатор, объект и адресат иронии, выделены те элементы коммуникативной ситуации, которые служат сигналами намеренного нарушения смысловой целостности дискурса и тем самым побуждают к поиску способа рациональной интерпретации сказанного, определены признаки игрового поведения говорящего и сигналы деонтической оценки, повышающие вероятность иронической интерпретации высказывания или текста.

Глава 7 «Модель понимания иронии в дискурсе» представляет комбинаторную модель понимания иронического высказывания. Такая модель должна объяснять, какие семантические свойства и какие прагматические условия делают возможными обнаружение некогерентности внутри высказывания / текста либо несоответствия между высказыванием и ситуацией и дальнейшую ироническую интерпретацию сказанного.

Необходимыми компонентами предлагаемой модели являются умение распознавать намеренные нарушения смысловой целостности высказывания (некогерентность), обнаруживать сигналы игрового поведения говорящего, а также имплицитной деонтической оценки объекта иронии.

Существующие теории вербальной иронии моделируют процесс ее понимания, исходя из идеи композициональности смысла высказывания: понимание – это прежде всего анализ, связанный с выделением элементов, составляющих высказывание. Такой подход не позволяет исследователям успешно объяснять, каким образом происходит понимание иронии в тех случаях, когда необходимо привлечение знаний об окружающем мире и собственных представлений о нормальном ходе событий. В качестве альтернативы композициональному под-

ходу в данной работе предлагается комбинаторный подход: понимание может быть метафорически представлено как «сборка» смысла, при этом одинаково важными оказываются не только само высказывание, но и непосредственный контекст и имеющиеся у коммуникантов знания о мире и о том, какой ход событий является нормальным.

Семантической основой иронии, как и многих других разновидностей коммуникации в модусе *non bona fide*, являются разного рода смысловые несоответствия. Потребность в их рациональной интерпретации заставляет адресата искать объяснение нарушению смысловой целостности высказывания. Одним из наиболее вероятных вариантов объяснения в такой ситуации становится наличие в высказывании имплицитных смыслов.

Объяснение того, каким образом читатель обнаруживает «несстыковки» в семантической структуре дискурса – проблема не менее интересная и по своей сложности сопоставима с описанием показателей семантической целостности. Важно, что смысловая несовместимость элементов высказывания не всегда препятствует его целостному восприятию; напротив, появление некогерентных элементов в непосредственной близости друг от друга может быть интерпретировано как сигнал наличия скрытых смыслов.

Наиболее простым способом намеренного нарушения семантической целостности высказывания можно считать отступления от конвенций узуса на уровне лексической сочетаемости. Так, в примере [22] смысловая целостность высказывания нарушается, поскольку вместо ожидаемого употребления существительного, называющего какое-либо животное, говорящий использует существительное, называющее профессию:

[22] *В наших вузах неконкурентная зарплата: профессор в России получает меньше, чем в большинстве стран, где водятся профессора.*

С лексическим уровнем связан еще один способ создания некогерентности – нетривиальная рекатегоризация объекта. Лингвистическим сигналом некогерентности в этом случае является специфический способ номинации. В примере [23] новогодние праздники говорящий метафорически называет «временем салатно-алкогольного заплыва»:

[23] *При этом любые попытки сократить это время салатно-алкогольного заплыва воспринимаются обществом в штыки.* [<http://lenta.ru/columns/2013/01/10/vegetable/>]

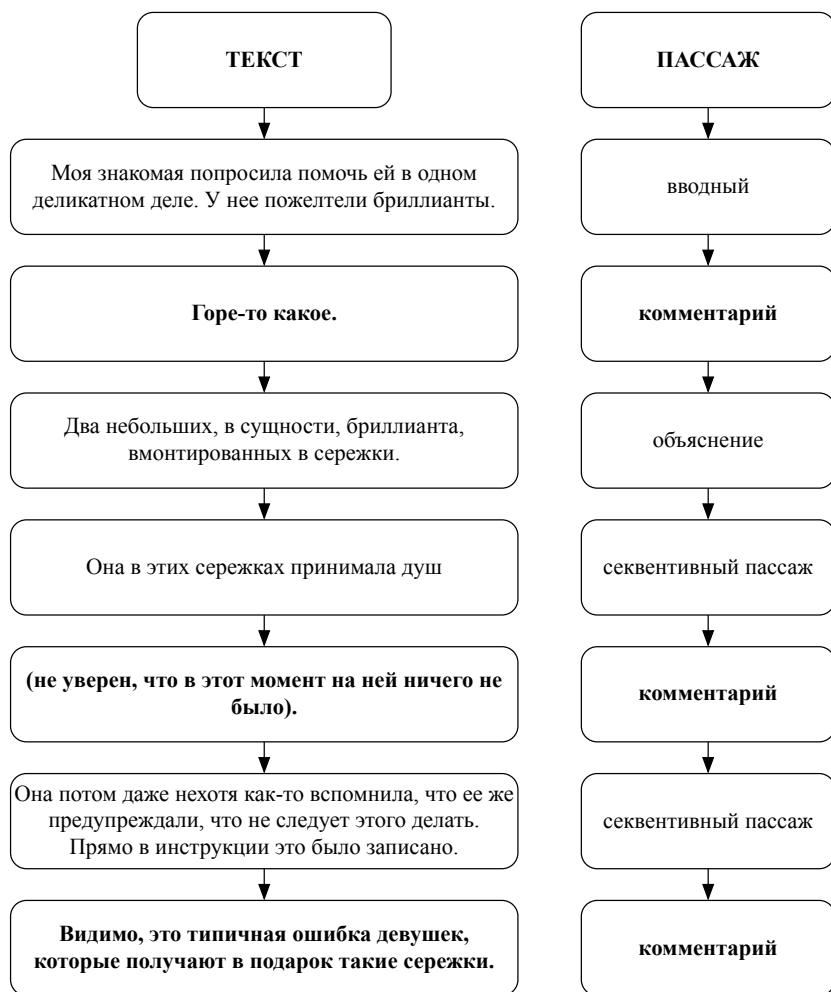
Нетривиальная номинация не только активизирует значение протяженности действия во времени, но и меняет категориальную принадлежность описываемой ситуации. Чтобы понять иронию, адресату необходимо привлечь дополнительную информацию – стереотипное представление о типичном времяпрепровождении россиян в новогодние дни. Очевидная нерациональность категоризации и критическая оценка ситуации позволяют интерпретировать высказывание как ироническое.

Трудность моделирования процесса распознавания нарушений смысловой целостности высказывания / текста заключается в том, что далеко не всегда можно легко локализовать источник некогерентности. Так, в нарративах есть еще одна возможность создания иронии: сигналом иронического смысла может быть намеренное отступление от канонической структуры повествования. Это показывает анализ подкорпус анарративных текстов, которые были размечены в программе UAM CorpusTool по следующей схеме:

Рис 5. Типы пассажей в структуре нарратива

Такая разметка позволяет не только проследить развитие повествования, но и выделить отступления от основной линии рассказа о событиях, а также показать, какую роль в структуре нарратива играет тот или иной пассаж. Приведенный на рис.6 фрагмент повествования, размеченный с точки зрения последовательности пассажей, показывает, как сильно повествование может отклониться от канонической структуры нарратива благодаря регулярным комментариям повествователя. Само по себе появление комментариев в структуре нарративного текста представляется естественным, поскольку именно так автор-повествователь может обозначить собственное присутствие и повысить достоверность изложения. Интересно другое: комментарий позволяет автору менять повествовательный модус *bona fide* на модус *non bona fide*. «Волнообразная» структура иронического нарратива позволяет рассказчику «переключаться» между собственно повествовательным режимом и режимом рефлексии (этот режим как раз проявляется в комментариях и других фрагментах текста, цель которых – выражение иронического отношения). При таком «переключении» смещается фокус внимания именно на комментарий. Можно также говорить о различной степени фокусированности ситуации: в ироническом нарративе фон (комментарий) и фигура (событие) меняются местами. Фокус смещается

Рис. 6. Комментарий в структуре нарративного текста

на комментарий, а непосредственное изложение событий становится поводом для выражения оценки.

Намеренная некогерентность, притворство говорящего и негативная деонтическая оценка могут проявляться с различной степенью эксплицитности. Так, в примере [24] текст носит явно пародийный характер. Пародия – это игра с формой текста: соблюдая необходимые жанровые конвенции, автор меняет содержание таким образом, что оно не соответствует знанию о нормальном, ожидаемом ходе событий:

[24] *Очередное достижение Роскосмоса*

Многочисленная глубоководная группировка искусственных спутников Земли сегодня пополнилась новым аппаратом. 1 февраля в 10.56 по московскому времени ракетой-носителем «Зенит-3SL» в экваториальную зону акватории Тихого океана успешно погружен очередной спутник связи Intelsat-27.

На плавучей пусковой платформе «Одиссей» в честь данного события состоялся впечатляющий фейерверк, а в Центре управления полетами проведён ставший традиционным в таких случаях банкет комиссии по расследованию катастрофы [интернет-коммуникация].

Сигналами некогерентности являются коллокации *глубоководная группировка искусственных спутников Земли и успешно погружен очередной спутник*: именно они нарушают ожидания читателя. Сигналами деонтической оценки можно считать словосочетания, в которых рядом оказываются слова с противоположными коннотациями (*банкет комиссии по расследованию катастрофы*). Совокупность этих сигналов делает весь текст ироническим.

Приведенные выше примеры иронической коммуникации объединяет не только наличие некогерентности, игры / притворства говорящего и отрицательная оценка по шкале «данное – должное». Общим является когнитивный механизм интерпретации иронических высказываний: результатом его работы является создание новой динамичной когнитивной структуры, которая по некоторым признакам противоречит имеющейся у носителей языка системе знаний. Необходимость рациональной интерпретации этой структуры для ее дальнейшей интеграции в систему знаний требуют обязательного привлечения контекстной информации и знаний законов окружающего мира.

В **заключении** подводятся основные итоги исследования. Результаты могут быть сведены к следующим:

Моделирование коммуникативных процессов и явлений оказывается заведомо неполным без учета двух модусов дискурса: *bona fide* и *non bona fide*.

Модус дискурса bona fide – режим коммуникации, который характеризуется следующим набором свойств:

а) пропозиция высказывания может быть сопоставлена некоторая ситуация в реальном мире (утвердительно высказывание в модусе *bona fide* может быть оценено как истинное или ложное);

б) речевые действия говорящего рациональны и кооперативны;

в) коммуникативный замысел говорящего совпадает или максимально близок языковому значению сказанного;

г) взаимодействие участников дискурса может быть описано как рациональное и искреннее.

Модус дискурса non bona fide может быть описан как такой режим коммуникации, который характеризуется следующими свойствами:

а) пропозиция высказывания не соответствует реальному положению дел;

б) кооперативность и рациональность речевых действий говорящего неочевидны;

в) коммуникативный замысел говорящего отличается от языкового значения высказывания;

г) взаимодействие говорящего и адресата включают элементы игры / притворства.

Трудности создания общепринятого определения и непротиворечивой таксономии иронии как режима коммуникации в модусе *non bona fide* связаны в первую очередь с «инструментальным» отношением исследователей к иронии, с традицией отнесения ее к явлениям языковой системы, а не дискурса. Существующие в современной лингвистике и когнитивной науке классификации иронии не охватывают всего разнообразия иронической коммуникации, поскольку ориентируются в первую очередь на поиск различий в языковой форме высказываний. Кроме того, в основе ряда популярных таксономий лежат неоднородные классификационные критерии. Это делает невозможным однозначную и непротиворечивую классификацию многих случаев иронической коммуникации. Более продуктивным в такой ситуации представляется подход, ориентированный на поиск сходств, на основе которых носители языка объединяют разнообразные высказывания в категорию «ирония».

Важным источником информации о функционировании иронии в дискурсе является металингвистическая деятельность носителей языка. Анализ метапрагматических маркеров двух модусов коммуникации позволяет увидеть, как осуществляется переход между модусами дискурса *bona fide* и *non bona fide*, какие высказывания носители языка классифицируют как иронию. Кроме того, анализ адекватности сочетаемости лексем *ирония* и *irony* позволяет говорить об их негативной семантической просодии, поскольку большая часть прилагательных имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. На негативную семантическую просодию указывают и синестетические метафоры, с помощью которых носители языка описывают иронию. Сочетаемость лексем *ирония* и *irony* указывает на то, что в повседневной коммуникации более вероятной реакцией на иронию будут негативные эмоции участников общения.

Применение методов корпусной лингвистики позволяет обнаруживать общие свойства иронических высказываний и текстов независимо от конкретной языковой реализации иронической интенции. Разработка схемы дискурсивной аннотации стратегий и тактик создания иронии в текстах различных типов и жанров позволила получить более четкое представление о том, как функционирует ирония в устном, письменном и компьютерно-опосредованном дискурсе и какие языковые особенности высказываний и текстов позволяют интерпретировать их как иронические.

Для описания статуса иронии удобным оказывается понятие *дискурсивной практики*: в отличие от понятий речевого акта и речевого жанра, оно позволяет учитывать многообразие лингвистических стратегий и тактик создания иронии,

объясняет возможность возникновения иронии в самых разных сферах коммуникации, а также функциональное единство иронических высказываний. Независимо от сферы и канала коммуникации, ирония используется для установления асимметричных отношений авторитетности.

Для моделирования понимания иронии в дискурсе полезной оказывается смена исследовательской перспективы. Существующие теории вербальной иронии моделируют понимание иронического высказывания на основе идеи композициональности: адресат «разбирает» высказывание на составляющие, сумма смыслов которых образует смысл всего высказывания. В данной работе предлагается «комбинаторная» модель, в которой для понимания иронии одинаково важными оказываются языковой компонент, непосредственный контекст общения, а также знания о мире, имеющиеся у участников коммуникации.

Необходимыми компонентами иронии в дискурсе являются намеренная некогерентность, игровое поведение или притворство говорящего, а также имплицитно выраженная деонтическая оценка. Намеренная некогерентность (т.е. нарушение смысловой целостности внутри высказывания или несоответствие высказывания описываемой ситуации) служит сигналом для поиска скрытых смыслов. Если некогерентность сопровождается притворством и / или игровым поведением говорящего и при этом в высказывании содержатся имплицитно выраженная отрицательная оценка по шкале «данное – должное», высокой степенью вероятности можно говорить об иронической интенции говорящего.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Монография

Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии / К.М. Шилихина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 304 с.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Шилихина К.М. Роль контекста в интерпретации иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С. 10-15.
2. Шилихина К.М. Интертекст как средство создания иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 3. – С. 152-157.
3. Шилихина К.М. Ироническая номинация / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 1. – С. 50-54.
4. Шилихина К.М. Метафора и ирония / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2009. – № 2. – С. 39-42.

5. Шилихина К.М. Современные теории иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 1. – С. 228-230.
6. Шилихина К.М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 2. – С. 64-69.
7. Шилихина К.М. Ироническая референция в дискурсе / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011. – № 2. – С. 134–139.
8. Шилихина К.М. Ирония в политическом диалоге / К.М. Шилихина // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 177-188.
9. Кашкин В.Б. Диалогический принцип в исследовании иронии / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2011. – Т.1. № 23. – С.72-81.
10. Шилихина К.М. Понимание иронии как проблема когнитивной лингвистики / К.М. Шилихина // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 14. – С. 753-757.
11. Шилихина К.М. Иронический нарратив: особенности структуры текста / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 1. – С. 59-63.
12. Шилихина К.М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе / К.М. Шилихина // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С.121-127.
13. Кашкин В.Б. Существует ли «рецепт» иронии? (на материале русского и итальянского языков) / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 3(36). – С. 98-106.
14. Шилихина К.М. Неуместная ирония и неудачная шутка: маркеры переключения между bona fide и non bona fide модусами коммуникации / К.М. Шилихина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – № 5. – С.52–59.
15. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – 2013. – № 1. – С. 115-118.
16. Шилихина К.М. Вербальная ирония: аномальное или нетривиальное использование языка? / К.М. Шилихина // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2. – С. 178-183.
17. Шилихина К.М. Нетривиальная номинация как способ создания иронии / К.М. Шилихина // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 16. – С. 421-430.

Статьи, опубликованные в других изданиях

18. Шилихина К.М. Что хотел сказать автор? (к проблеме интерпретации иронических высказываний) / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация

- и социальная среда. Вып.5. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – С. 261-273.
19. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности / К.М. Шилихина // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография / под ред. В.Б. Кашкина. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 184–194.
  20. Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 6. – Воронеж: Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 24–32.
  21. Шилихина К.М. Ирония в межкультурной коммуникации: проблема понимания и переводимости / К.М. Шилихина // Гуманитарные знания в современном образовательном процессе: сб-к науч. статей. – Воронеж, 2009. – С. 333–337.
  22. Кашкин В.Б. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. / ВГПУ; Волгогр. Ин-т бизнеса. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена». 2009. – С. 291–300.
  23. Kashkin V.B. Narrating Personal Experience and Stereotypes: Discursive Functions of Russian Anekdots / V.B. Kashkin, K.M. Shilikhina // Russian Journal of Communication. – 2009. – Vol. 2, No. 3/4. – Pp.250-266.
  24. Шилихина К.М. Перевод иронии / К.М. Шилихина // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 9. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010. – С. 392–399.
  25. Шилихина К.М. Речевые формулы иронии / К.М. Шилихина // Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания: XXVIII Распоповские чтения: мат-лы междунар. Конф. – Воронеж: ВГПУ, 2010. – Ч.II. – С. 74–78.
  26. Шилихина К.М. Металингвистическая оценка вербальной иронии и юмора носителями русского языка (по данным НКРЯ) / К.М. Шилихина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – Москва: Изд-во МГУ, 2010. – С. 149–150.
  27. Шилихина К.М. Сколько значений у иронического высказывания? / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 9. – Воронеж: Воронежский гос. университет; НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 239–260.
  28. Шилихина К.М. Вербальная ирония: свойство текста или результат интерпретации? / К.М. Шилихина // Вестник Тверского ГУ. Серия «Филология». – 2011. –№ 3. – Стр. 80–85.
  29. Шилихина К.М. Глагол *иронизировать*: специфика речевого действия / К.М. Шилихина // Проблемы лексико-семантической типологии: сб. науч.

- трудов / под ред. А.А. Кретьова. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2011. – Вып.1. – С. 191–198.
30. Кашкин В.Б. Метапрагматическая рефлексия по данным Национального корпуса русского языка / В.Б. Кашкин, К.М. Шилихина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.3: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2011. – Стр. 19–29.
  31. Шилихина К.М. Два модуса коммуникации: проблема границ интерпретации / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 10. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – С. 290–308.
  32. Шилихина К.М. Стремление к коммуникативному идеалу: метапрагматические маркеры серьезной коммуникации / К.М. Шилихина // Жизнь языка в культуре и социуме-3. Материалы конференции. – Москва: Эйдос, 2012. – С. 215-217.
  33. Шилихина К.М. Интертекст в структуре иронического дискурса / К.М. Шилихина // Текст, контекст, интертекст: сб-к научных статей по материалам Международной конференции «XII Виноградовские чтения». – Т.1: Русский язык. Зарубежная филология. – М.: МГПУ, 2012. – С. 163–168.
  34. Shilikhina K. Intended Incoherence as a Source of Verbal Irony / K. Shilikhina // Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Калининград, 18–24 июня 2012 г. – Калининград, 2012. – Т. 1. – С. 160-161.
  35. Шилихина К.М. Закон семантического согласования и последствия его нарушений / К.М. Шилихина // Среди нехоженых путей. Сборник научных статей к юбилею доктора филол. наук, проф. А.А. Кретьова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2012. – С. 351-364.
  36. Шилихина К.М. Понимание интенций собеседника в дискурсе: маркеры *bona fide* и *non bona fide* модусов коммуникации / К.М. Шилихина // Понимание в коммуникации: Человек в информационном пространстве. – Ярославль – Москва: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 376–380.
  37. Шилихина К.М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора / К.М. Шилихина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып.12. Т.1. – Москва: Изд-во РГГУ, 2013. – С. 625–633.
  38. Шилихина К.М. Дискурсивные слова как маркеры иронии / К.М. Шилихина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 11. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – С. 103–124.
  39. Шилихина К.М. Метапрагматические маркеры иронии / К.М. Шилихина // LaTableRonde. Вып. 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 149–156.

40. Shilikhina K. Metapragmatic Evaluation of Verbal Irony by Speakers of Russian and American English / K. Shilikhina // *Research in Language*. – 2012. – Vol. 10, Issue 3. – P. 299–312. DOI: 10.2478/v10015-011-0027-8.
41. Shilikhina K. Multiple Voices in Ironic Discourse / K. Shilikhina // *Language and Dialogue*. – 2013. – Vol. 3:2. – P. 186–207. DOI: 10.1075/ld.3.2.03shi.
42. Shilikhina K. Canned jokes in Russian public political discourse / K. Shilikhina // *European Journal of Humour Research*. – 2013. – Vol. 1, No. 2(1). – P. 84–100.
43. Шилихина К.М. ШУТИТЬ, ИРОНИЗИРОВАТЬ, НАСМЕХАТЬСЯ: семантика и прагматика глаголов, обозначающих non bona fide речевые действия / К.М. Шилихина // *Проблемы лексико-семантической типологии: Сборник научных трудов / под ред. А.А. Кретьова*. – Вып. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС 2013. – С. 290–310.
44. Шилихина К.М. Стратегии и тактики создания иронии в тексте / К.М. Шилихина // *Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина*. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 361–362.
45. Shilikhina K. Non-bona Fide Discourse: Linguistic Signals of Play and Pretence // *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г.* – Калининград, 2014. – С. 72–74.
46. Шилихина К.М. Что такое «иронический стиль»? / К.М. Шилихина // *Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II*. – Москва: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 379–382.